

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

КАРИНА ДЕМИНА

О БЕДНОЙ СИРОТКЕ
ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

Королевский университет магии

Карина Демина
О бедной сиротке
замолвите слово
Серия «Волшебная академия (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39413265

О бедной сиротке замолвите слово: Издательство АСТ; М.; 2018

ISBN 978-5-17-109340-2

Аннотация

Маргарита знала, что в этой жизни ничего не достается даром. И если уж выпал шанс изменить свою жизнь к лучшему, то надо держаться за него и руками, и ногами, и новообретенным даром. А то, что окружающие насчет этого дара и самой Маргариты имеют собственные планы, так это исключительно их проблемы.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	93
Глава 9	103
Глава 10	114
Глава 11	125
Глава 12	143
Глава 13	153
Глава 14	169
Глава 15	179
Глава 16	195
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Карина Демина
О бедной сиротке
ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

© К. Демина, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Девочка спешила навстречу любви.

Она не шла – летела, и босые ноги едва касались влажной крыши. Та еще блестела после недавнего дождя. Скоро взойдет солнце, и вода испарится, а с ней и остаточный след, который и без того был почти неуловим.

– Я знала, – она смотрела снизу вверх, и глаза ее сияли. – Я знала, что это – настоящее чувство.

– Конечно.

– Ты любишь меня... только меня...

Он коснулся пальцами ее лица.

Теплое.

Волосы мягкие и так знакомо пахнут травами. Лепесток ромашки запутался в кудрях, и темные круги под глазами ее не портят.

Почти.

– Я... так страдала.

– Прости.

– Ничего, – она вытерла несуществующую слезинку.

Притворщица.

Именно тогда он и решился.

– Ты хочешь, чтобы мы были вместе? Навсегда? – он прошептал это в розовое ушко, и то вспыхнуло, покраснело. – Тогда ты должна кое-что для меня сделать. Сумеешь?

Она кивнула.

И эта ее готовность сделать действительно все, что угодно, взбесила куда сильнее, чем признания. Она ведь и вправду сделает.

Все, что он ни попросит...

А он не будет просить много. Он возьмет ее за руку, теплая ладонь с крошечной меткой старого шрама. Пальчики тонкие, хрупкие. Ноготки... она так и не избавилась от привычки грызть их. Он потрогал эти ноготки и погладил шрам, прощаясь.

– Идем.

Она покорно шагнула на край крыши.

Солнце уже показалось, а значит, стоило поторопиться.

– Видишь, – он провел рукой в воздухе, позволяя иллюзии раскрыться, – нас ждут. Сегодня мы поженимся, а завтра расскажем обо всем.

Он точно знал, что она видит.

Дорожку среди клиновидных маррантов. Узкие и высокие, с серебристыми листьями, которые марранты не сбрасывали и зимой, они напоминали диковинные пирамиды. Сиял белизной девичий кумарис, прозванный невестинным цветом. И редкие желтые пятна лютиков лишь подчеркивали искристую эту белизну. Мох напознал на камни...

Храм.

– Это...

– Здесь не спросят о дозволении родителей, – он поцело-

вал ее пальцы. – И никто никогда не скажет, что наш брак незаконен. Понимаешь?

Она кивнула, не сводя взгляда с нагромождения валунов, среди которых то тут, то там виднелись статуи. В отличие от храма их время не тронуло.

– Ты же понимаешь, что иначе нам не позволят...

– Д-да... – она обернулась. – А ты... ты уверен?

– Конечно.

Его начала раздражать эта нерешительность.

– Но если ты не готова... я не могу держать портал вечно.

И она решилась.

Один шаг.

Всего один шаг, и иллюзия задрожала, осыпалась ворохом разноцветных искр. Она только и успела, что коротко вскрикнуть. Звук удара был... неприятным. Почему-то он представлял это иначе, но... он выглянул, убеждаясь, что все прошло именно так, как должно.

Девушка лежала, распластавшись на каменных плитах. Ее изломанная фигурка с высоты седьмого этажа гляделась ненастоящей, кукольной. Ручки-ножки, кружевное платьице, волосы светлым ореолом... даже в чем-то красиво, правда, он понимал, что эта красота – тоже иллюзия.

Стоило поспешить, а то мало ли...

Шлюха свое заслужила, но что-то подсказывало, что законники с такой постановкой не согласятся.

Глава 1

– Ну ты и с-стервь, – сказал Вадик, потирая ушибленное колено.

– А то! – Я пнула его по голени, уже без особого раздражения, но так, для острастки, добавив: – В следующий раз вообще яйца оторву...

Я вывернулась из теплых Вадиковых объятий.

Тоже мне... если мы пару раз прогулялись по парку, то теперь, значит, руки распускать можно? Я вытерла губы, раздраженно подумав, что день определенно не задался.

Сначала у мамашки приключился внеочередной приступ глобального чувства вины передо мной, которое она выплескивала в слезах и причитаниях. А значит, и думать нечего, к вечеру дозу найдет. И хорошо, если чего легенького, что только мозги отключит.

Надеюсь, хоть дружков своих на хату не потянет.

А с другой стороны, Танька всегда была не против поместиться на ночь.

Из дому я убегала, рывкнув, чтоб мамашка и не думала ширяться, потому что... просто потому, – ей мои аргументы до одного места.

Сбегала так быстро, что не разминулась с Софкой с первого этажа. Да и немудрено, в Софке два центнера весу, которые дорогу перекрывали надежней, чем холестерин

пробка сосудов. Характер у Софки соответствующий весу. Наши ее вообще ведьмой полагали, а потому относились уважительно, чем окончательно разбаловали.

– В мое время, Маргарита, – Софкино лицо было гипертонически красно, три подбородка надежно скрывали больную – а у такого человека здоровых органов однозначно немного – щитовидку от мира, – девушки не носились сломя голову.

– Так когда это было, баба Софа...

Она терпеть не могла, когда ей намекали на возраст, краснея еще больше. Круглый рот ее раскрывался, извергая слова, которые почему-то моего сознания не достигали. Может, потому, что это сознание давно научилось отсекал несущественную информацию.

– ...Наплачешься ты еще, – донеслось в спину.

Куда уж больше-то?

На автобус я опоздала.

И до института пришлось нестись галопом. Срезать вот решила через узкую кишку Завязьего переулка, слепую, как аппендикс. А тут Вадик с его обнимашками, резво перешедшими в поползновения весьма определенной направленности.

Еще и поцелуи слюнявые.

От слюней чужих меня мутило, а холодные Вадиковы лапы под кофтой лишь добавляли остроты ощущениям.

– Марго... ну чего ты? – он меня догнал и пошел рядом, огромный, нескладный и, честно говоря, не особо симпатич-

ный. Наши-то дуры млели, правда, не от неземной Вадиковой красоты, а от осознания, что у этого гоблина собственная хата имеется и машина, и вообще кошелек у него пухнет от бабла.

Предки у него козырные.

Ага.

Предки, может, и козырные, и на сыночка единственного не жалеют тратить, только сомневаюсь, что обрадуются они нищей невестке. А Вадичек пусть в грудь свою стучит, аки горилла в бубен, но без предковых благословений и дня не проживет.

Какого я с ним связалась?

Сама не понимаю. Никак помутнение нашло...

– Найди себе кого, – сказала я, пошевелив пальцами. Кажется, левая кроссовка готова была развалиться. В этом состоянии готовности они пребывали уже третий месяц, и я очень надеялась дотянуть до ноября. А там на зимние переяду... если хватит, на что купить.

– Марго, ты чего, обиделась, что ли?

Вадик засопел и поскреб небритый подбородок. Он наивно полагал, что щетина делает его более мужественным.

– Нет.

– А чего?

– Ничего, – я потерла шею. – Просто... не получится у нас ничего.

В Вадиковых полупрозрачных глазах застыла обида.

– Марго...

– Послушай, – сегодня я была зла, и злость требовала жертв. – Ты хороший парень, только... тебе подружка нужна. На месяцок-другой... третий, если выйдет. Чтоб не напряжно и без обязательств. А со мной так не получится. Или ты согласен и дальше за ручку держаться?

Вадик промышчал что-то нечленораздельное. С речью у него вообще проблемы наблюдались, как и со способностью рассуждать, логикой и вообще мыслительными процессами. Именно поэтому и учился Вадик в нашей богом забытой ветеринарке, а не в столичном меде.

– Ты жжешь...

– Жгу, Вадюша, еще как жгу. – Я перекинула рюкзак на левое плечо. – Мне жизнь строить надо... учиться. Профессию получать... работа опять же... и если уж влезать в отношения, то в такие, которые на всю жизнь.

– Шиза...

– Сам ты шиза, – я глянула на часы.

Так и есть, на пару опоздала безбожно, а первой у нас – Козлоногова стоит, у которой мало что память отменная, так и патологическая нелюбовь ко мне. Справедливости ради, Козлоногова всех студенток терпеть не могла, но меня выделяла как-то особенно – а зимой экзамен.

И придется туго.

На стипенду точно рассчитывать не стоит, хоть бы вообще не отчислили.

– Марго... – Вадик плелся сзади. – А Марго... ну ты чего такая загруженная, а? Расслабься...

Я закатила глаза. Как вот объяснить человеку, что сложно расслабиться, когда ты спишь по пять часов в сутки. Вечером еще клиенты – ничего сложного, Серафиму когти подрезать, он этого жуть как не любит, вот хозяева и не справляются. В Фимушке пятнадцать кило живого веса, что и для мейн-куна несколько многовато.

Уколы для Плюшки.

Промыть и закапать в глаза Аскольду, который, невзирая на малые размеры, отличался на редкость поганым характером. И проверить старика Фитца...

Потом созвониться с Танькой, договориться о подмене. В клинике вроде тихо, и если так, то получится поработать. Днем в читалку можно, а еще листовки и...

Я задумалась и не заметила, как Вадик отстал. Но в какой-то момент... Танька говорила, что у меня чутье, не знаю, может, и так, ведь что-то да заставило меня обернуться. Вадик стоял у стены.

Прижимаясь к стене.

Лицо его побелело. У губ появился характерный синеватый ободок. Глаза полуприкрыты. Дыхание поверхностное, неровное. Я слышала, как судорожно бьется ослабевшее сердце, готовое вот-вот запнуться, остановиться...

Проклятье!

И ведь меня же обвинят. А я ни в чем не виновата, от

отказа не умирают, как и от пинка в колено, но... не с моим везением!

Какая-то часть меня билась в истерике, но тело само шагнуло к Вадику. Руки легли на плечи, толкнули и удержали, не позволив просто свалиться на землю. Я опустила его, вяло удивляясь, откуда вообще силы взялись: Вадик выше меня на голову и весит изрядно. Он качок, и значит, с сердцем должен порядок быть, а оно слабое-слабое.

И уже на земле я положила руки ему на грудь, приказав:
– Работай, чтоб тебя...

Надавила.

Я не знаю, что произошло, быть может, и самым невезучим положена капля удачи, но треклятое сердце трепыхнулось и застучало ровнее... ровно... и вообще нормально. Вадик задышал.

И открыл глаза.

– Марго, ты передумала? Поцелуй меня...

– Да пошел ты... – я икнула.

И кажется, готова была расплакаться, вот только слез не было.

Давно уже не было. А потому я вытерла сухие глаза рукавом и сказала:

– Кардиологу покажись, дубина.

На вторую пару я успела, и треклятая Козлоногова, естественно, не упустила случая спросить, где это нас носило. Ответить бы ей в рифму, да... сессия, будь она неладна.

...А его я узнала сразу. И еще удивилась, что он не изменился совсем. Тринадцать лет прошло, а он не изменился. От мамки моей тень осталась, страшная, выблекшая, с путаными волосами и глазами запавшими, а этот...

По-прежнему в костюме.

Синем.

Галстук с зеленой искрой и булавкой.

Белая рубашка.

Легкий плащ.

Кейс.

Стрижка.

И маникюр, кажется... нет, маникюр, надо полагать, из его новой жизни, в которую он ушел, не оглянувшись на нас с мамой.

– Маргарита? – а тон-то такой...

– Я за нее, – я скрестила руки. Надеюсь, дражайший папочка не думает, что я сейчас кинусь ему на шею, соплями от счастья захлебываясь.

– Ты выросла.

– Да неужели... какая странность.

– Сарказм тебе не к лицу. Идем.

– Куда?

Ответа меня не удостоили. Папочка повернулся спиной и направился к темной машине, припаркованной в месте, для парковки не предназначенном. Я пожала плечами и напра-

вилась в противоположную сторону, если поторопиться, то успею на свой двадцать третий.

– Маргарита! – его окрик спугнул воробьев. – Маргарита, немедленно остановись!

Еще чего...

– Маргарита!

Я обернулась и спросила:

– Чего тебе?

Папочка выглядел злым. Нет, не просто злым, он был в ярости. Лицо побелело, а на щеках проступили алые пятна. Этак insult хватит, а мне оно надо? Мне одного болезного за день выше крыши.

– Ты как себя ведешь?

– Слушай, – я поправила сползающий рюкзак, в котором, помимо книг, уместилась почти свежая булка и бутылка йогурта. – Если ты пришел нотации читать, то опоздал маленько... лет этак на тринадцать.

Была надежда, что папочка смутится. Или скажет, что сожалеет... или не скажет, но хотя бы вид сделает, однако он лишь бровью дернул.

– Маргарита, ты обязана отправиться со мной.

– Нет. – Булку я съем чуть попозже... Серафимка живет возле парка, вот и... у Аскольда мне предложат чаю, и этого хватит на вечер. – Говорю ж, опоздал. Мне уже пять лет как восемнадцать исполнилось, а потому ничего и никому из вас я не обязана.

Папочка поморщился и щелкнул пальцами.

Все-таки раньше лицо у него было другим... более приветливым, что ли? И когда на маму смотрел, он улыбался... и...

Я открыла глаза.

Пахло кофе.

Корицей. Туалетной водой, но неназойливо. Кожей еще – и... мы ехали. Куда?

– Какого черта? – я открыла глаза.

– Маргарита, ты ведешь себя неподобающим образом.

Вот хрень...

Я потеряла глаза. Как он это провернул? Кино какое-то... дрянное кино, где героине пихают в рот хлороформовый платочек. Нет, папаша стоял далековато. Баллончик? Усыпляющий газ? Я бы заметила, и... не вяжутся подобные фокусы с пафосной папашинной фигурой.

Вот сидит.

Смотрит перед собой.

Точеный профиль, жесткий подбородок. Височки пострижены по линейке... мудак.

– Я понимаю твое удивление, но все же тебе следует лучше контролировать свои эмоции. Полагаю, это сказывается дурная кровь твоей матери.

– Ага, а твоя, значит, хорошая... – Я потеряла виски. Голова слегка ныла, но и только. И во рту никакого химического привкуса. А он вообще должен быть? – Машину останови.

Папаша меня проигнорировал.

– Слушай, не знаю, что тебе вдруг от меня понадобилось, но давай ты опять забудешь о моем существовании, а? – Что-то происходящее мне нравилось все меньше. Воображение рисовало картины одну другой бредовой.

От неизвестного дедушки, который не нашел ничего ма-
разматичней, как завещать мне несправедливо нажитые милли-
оны в обход папаши с новой его семьей, до тихой клиники,
где меня разберут на органы.

– Это было бы правильно, – папаша поморщился. – Но к
огромному нашему сожалению...

Нашему? Это он о себе во множественном числе говорит?

– ...инициированный необученный маг представляет по-
тенциальную опасность для общества.

– Что?

– Твой дар проснулся, – отец поморщился, будто само это
признание далось ему с немалым трудом. – Что накладывает
на род определенные обязательства.

Бредит?

Шизофрения, она такая... не разбирает богатых и бедных,
справедливая, стало быть...

– Я полагал, что гены твоей матери...

Магия существует.

Для избранных. Это в принципе не удивляло. Я уже успе-
ла понять, что в мире этом все люди делятся на избранных и

прочих, к числу которых я себя и причисляла до недавнего времени.

Ан нет, оказывается, я маг.

Из древнего и славного рода, честь которого отныне я обязана холить, лелеять и всячески об одной заботиться, ибо само мое существование ставит наличие этой самой чести под вопрос. Нет, в формулировках папенька был обтекаем, но я давно уже научилась слышать не только слова.

Мне не будут рады.

Мягко говоря.

Но и бросить меня папенька не может, и отнюдь не потому, что совесть не позволяет. Совесть как раз молчит. Она у него воспитанная, зараза. А вот какой-то там Совет при королевском Анклаве сильно не одобрит, если вдруг где-то там объявится живой маг, не способный контролировать силу. Оно и правильно, этой самой силой, которую я в себе не ощущала совершенно, многое можно натворить. А главное, что поскольку количество одаренных не так и велико, то вычислить мою принадлежность к папенькиному семейству будет просто.

Вычислить и спросить, как так получилось?..

– Ты должна помнить, что...

Я прикрыла глаза, мысленно закрываясь от папенькиного бубнежа. И как мне быть? Требовать, чтобы меня вернули?

Требовать могу, но что-то мне подсказывало, что требования эти услышаны не будут.

Сбежать?

Вариант, но...

Сбежать я успею, а воспользоваться шансом... если я и вправду маг, а магов не так много, следовательно, их ценят. И, научившись пользоваться собственной магией – бредовенько звучит, однако, – я получу неплохую возможность устроиться в жизни.

Целитель, полагаю, профессия не хуже ветеринара.

Да и целитель-ветеринар – люди меня несказанно раздражали – тоже вполне себе неплохо.

Выучусь.

Вернусь домой.

Маменька, правда... а с другой стороны, мое присутствие ей не мешало ширяться, отсутствие же она замечала редко. Поторговаться, чтобы за ней присмотрели? Или...

Машина остановилась.

– Надеюсь на твое благоразумие, Маргарита, – произнес отец таким тоном, что я осознала: лучше бы мне это благоразумие проявить.

Глава 2

А жили маги неплохо. Не знаю, все или же только те, которые происходили из древних и славных родов.

Структурированная зелень парка, разделенного сетью желтых дорожек.

Газоны.

Кусты неестественно аккуратных форм. Каменные вазы, цветы и бабочки. Темная гладь пруда где-то вдалеке. И огромная махина дома. Сложенный из темно-бурого камня, он гляделся этакою незыблемой громадиной, которую не всяким штурмом возьмешь.

Четыре этажа.

Никаких тебе излишеств в виде колонн и портиков. Яркая медь водостоков. Четырехскатная крыша с парой труб и флюгерами...

Уродливые статуи.

И узкие окна, забранные решетками.

Дубовая дверь и щит над ней – надо полагать, герб папенькиного славного рода, а на нем зверь неведомый с орлиной головой, львиными лапами и змеиным хвостом.

Лапы когтисты.

Хвост чешуйчат. А из орлиной головы выходит пара острых рогов.

Минут через десять я убедилась, что изнутри дом так же

мрачен, как и снаружи. Дневной свет в окна почти не проникал, и местные коридоры утопали в сумраке, который обитателям дома был привычен, как, полагаю, и скрипящие полы, сквозняки и прочие прелести древних строений.

Когда-нибудь я куплю себе квартиру.

Она будет небольшой и светлой, в новом доме, чтобы не осталось в стенах и тени чужих воспоминаний. Я повешу на окна полупрозрачный тюль – исключительно для красоты.

– ...И ты полагаешь хорошей идеей притащить ее сюда? – Женщина в светлом брючном костюме не скрывала своего недовольства.

– Это мой долг, Амелия.

Вот, значит, какова она, новая папенькина любовь. Хотя, может, я и предвзята, но любовью здесь и не пахнет.

А она хороша.

Высокая. Статная. Светловолосая, причем или натуральная блондинка, или – слишком уж яркий платиновый оттенок у нее – стилист хорош. Лицо узкое. Скулы высокие. Нос точеный. Губы вот великоваты, но это не портит женщину.

Длинная шея.

Нить жемчуга. И такая же – на руке, что нервно терзает салфетку. Но сдастся, что с куда большим удовольствием на маникюрные эти пальчики вцепились бы мне в горло.

– Твой долг? – она вскочила и прошлась по комнате, взмахнула рукой, и шелковый рукав скользнул по безделушкам на полке. – Твой долг состоит в том, чтобы позаботиться

о дочерях...

– Она тоже моя дочь.

– Мило, что ты вспомнил, – я развалилась в кресле, не делая попытки соответствовать месту и компании.

– Боги, – трепетные пальцы прижались к вискам, и на мизинчике блеснуло золотое колечко. – Слухи пойдут... что станет с нашей репутацией... девочки... Мелисса...

Ага, то есть у меня имеется не только очаровательная мачеха, но и пара сестриц. Я поерзала, пытаясь отрешиться от нехороших ассоциаций.

Золушки в себе не ощущала.

– ...Ее брак...

– О браке пока речи не идет, – отец поднялся. – Маргарита остается. Позже мы решим, что с ней делать.

А вот это мне совсем не нравится.

В каком смысле, решат? Мне казалось, что все более-менее ясно: меня обучат и пинком выпроводят в прекрасное светлое будущее, разорвав тем самым всякие связи.

– Мне пора. Позаботься о ней.

Интересно, его по голове не били? Оставить незаконно-рожденную дочь на попечение законной супруги? Или он надеется, что Амелия мне яду плеснет, тем самым раз и навсегда решив проблему?

Она открыла рот.

И закрыла.

И молчала долго. Я тоже с разговорами не спешила, но,

поставив на колени рюкзак, откопала булочку. Помялась? Ничего страшного. Йогурт тоже пришелся весьма кстати.

– Твой наряд отвратителен.

– Ага, – я шумно отхлебнула из бутылки.

– И манеры...

– А то...

Интересно, она просто пар выпускает или и вправду надеется выбить меня из колеи?

– Необходимость... заниматься тобой не доставит мне ни малейшего удовольствия. – Амелия разглядывала меня, не скрывая раздражения.

Но...

Было что-то еще, помимо гнева.

И обиды.

Страх? Страх острый, как железная стружка, и привкус оставляет металлический. И главное, что как ни скрывай его, а все одно выберется, выдаст.

– Я не напрашивалась, – говорить с набитым ртом не слишком удобно, но...

Я же дикая.

И дурно воспитанная. И вообще дочь наркоманки, которая всенепременно пойдет проторенной дорогой и если еще не стала шалавой, то всенепременно станет.

Знаю.

Проходили.

Амелия поморщилась и, взяв со столика фарфоровый ко-

локольчик, потрясла им. Минуты не прошло, как в комнате появилась квадратная тетка самого мрачного вида, и дело было отнюдь не в черном платье ее, которое и белый фартук не оживлял, но в выражении лица.

Поджатые губы.

Прищуренные глаза.

И плохо скрытая ненависть, причем отнюдь не к Амелии.

– Софра, – наманикюренный пальчик указал на меня, – проводи Маргариту в... желтую спальню.

Задумчивый взгляд.

Постукивание по столу.

– Озаботься ее гардеробом... что-то простое и более подходящее для юной девицы, нежели это...

Чем ей мои джинсы не угодили? Слегка потертые, но ведь чистые. А кроссовки... какие были на распродаже, такие и взяла. Меня саму розовый цвет и стразики выбешивают, но не признаваться же в этом.

– И покормите ее.

Что ж, если голодом морить не станут, уже хорошо.

Поселили меня на третьем этаже, в самом дальнем уголке дома, что и понятно. Комнатушка была угловой, тесной и довольно-таки мрачноватой. Желтая?

Вероятно, когда-то обои и вправду были желты, но давно... ныне цвет их, уныло-серый, вполне гармонировал с болотным оттенком занавесей.

Кровать.

Комод.

Шкаф на резных ножках и при короне.

Столик.

Крохотная ванная комната, но с ванной и горячей водой, что само по себе несколько примирило с обстоятельствами. Узкое окно, в которое и кошка не пролезет. А главное, тяжелая дубовая дверь. Ее заботливая Софра заперла на ключ, не иначе, от беспокойства, что я с непривычки заблужусь в этом чудесном доме. Я подергала дверь, убеждаясь, что заперта она надежно, сунула палец в замочную скважину и хмыкнула: защита от дураков.

Позже.

Мало ли, вдруг да Софра или еще кто наблюдают за бедною сироткой? Пусть видят, что та тиха, мила и растерянна... подавлена даже. И вообще...

Я подергала дверцы шкафа. Внутри было пусто и пыльно, как и в комод. Похоже, здесь если и убирались, то в прошлом столетии. Ладно, мне не привыкать, сама порядок наведу.

Если сочту нужным.

Все же не давала мне покоя та папенькина фраза. Чудилось в ней что-то этакое, недоброе, а чутью своему я привыкла доверять. А значит... значит, вечером прогуляемся, послушаем, о чем говорят, пока же...

Софра отсутствовала недолго.

Явилась с парой платьев столь унылого вида, что стало ясно: подбирала она их долго, тщательно и согласно невысказанному пожеланию хозяйки.

– Переоденься... – Платья кинули на кровать и, скривившись, добавили: – Не позорь род.

Платье на мне сидело... как на пугале и сидело. В груди тесновато, на талии болтается, и тонкий поясок лишь подчеркивает несуразность этого наряда.

Темная жесткая ткань.

Накрахмаленный воротничок. Кружевные манжеты. И два ряда пуговиц на лифе. Сомнительного пошиба красота, но я в принципе существо неприхотливое.

Длина до середины голени.

И с кроссовками моими смотрится оно слегка безумно, но, с другой стороны, неудобную одежду я еще могу потерпеть, а вот неудобная обувь – это совсем иной колленкор. Туфли же, которые мне предоставили, мало того, что были сделаны из дубовой кожи, так еще и оказались на два размера меньше нужного.

Кормили здесь неплохо.

Стейк, правда, несколько остыл, салат явно был не первой свежести, но эти мелкие пакости аппетита мне не портили.

А дверь Софра по-прежнему запирала.

И возвращалась каждые полчаса, проверяя, на месте ли я. После проверки этак пятой она успокоилась и, видимо, пришла к выводу, что деваться мне некуда. Так-то оно так...

теоретически. А практически дядя Леня, который кровным родственником не являлся, но представлял собой, выражаясь языком Софки, маргинальную язву на телесах приличного общества, мог бы мною гордиться. Замок я взломала быстро, благо был он несложным, хотя и несколько тугим, полагаю, от старости.

Ничего, смажем...

Вышла я из комнаты, когда за окном уже прилично стемнело, а Софра, забрав ужин – подали кашу, щедро сдобренную сухофруктами и сладкую до отвращения, – убралась и не вернулась. Я выждала с час, а то мало ли... вдруг мне молоко перед сном положено?

Молока не принесли.

И вообще крайне любезно забыли о моем существовании. Я прислушалась к себе.

Время.

Определенно.

Дядя Леня, вор-рецидивист и в сущности человек широкой души, чего остальные не понимали, говорил, будто у меня чуйка такая, что, решишь я на карьеру, стала бы фартовой. Правда, тут же грозил тощим кулачком, приговаривая, что, мол, вздумаю дурить, мигом управу найдет.

Дурить я не думала.

Училась?

Я всему училась. То ли натура такая, то ли и вправду уже тогда чувствовала, что лишних знаний не бывает. Вот и при-

годилось.

В коридоре было тихо.

Мертво.

Ощущение неприятное такое, как ночью по кладбищу гулять. Тусклый свет. Белесые стены. Зловещие фигуры в доспехах. Картины, от которых веяло недобрым, будто сам этот дом приглядывался ко мне, не слишком радуясь незваной госте.

Поворот.

И лестница.

Мне надо вниз... и влево, туда, где застыла каменная статуя редкостного уродства.

– ...Никхарт, – голос Амелии звенел от напряжения, – быть может, ты скажешь мне, что именно собираешься делать с... ней.

Да, пожалуйста, я бы тоже не отказалась послушать. Информация – жизнь...

Я встала рядом с каменным уродцем, прячась в тени куцых его крыльев. И рукой оперлась на спину, которая, к моему удивлению, оказалась теплой. Мелькнула даже безумная мыслишка, что существо живо, но я мигом от нее избавилась.

Камень.

Гранит? Базальт? Не разбираюсь, главное, что этакая тварь со змеиным гибким телом, которое кое-как опиралось

на кривоватые лапы, просто физически не способна существовать.

– Это тебя не касается, – папенькин голос холоден.

А главное, ощущение, что он совсем рядом стоит, говорит прямо в ухо. Что это? Звуковые фокусы старого дома? Или мое разыгравшееся воображение, которое привело меня именно к этой комнате?

– Почему же? Касается... у нас две дочери, судьба которых тебя, кажется, не волнует...

Странная она.

Если человека не волнует судьба одного ребенка, то с чего он вдруг станет беспокоиться о других? Я почесала каменную тварь за рогом.

– Молчишь? Снова молчишь? Боги, если бы я знала, что так будет... я дала бы тебе развод... – а теперь в голосе мне слышалась глухая тоска. – Стой. Куда ты собрался?

– Это тебя не касается.

Вот она, счастливая семейная жизнь во всей красе. Я мотнула головой, отгоняя непрошенные воспоминания, в которых мы гуляли по парку.

Мама.

Отец.

И я.

Листья золотые и алые, охапками. Качели. Небо навстречу. И мама хохочет, кружится, подкидывая листья, а они летят, накрывают меня с головой. Ощущение счастья

и...

И это было ложью. Все. Парк. И то старенькое кафе, где мы останавливались, чтобы поесть мороженого, и кино, и моя первая линейка, и даже тот букет гладиолусов, который принес отец. Они играли в любовь, а когда отцу надоела игра, он ушел.

А мы остались.

Я прижалась к зверю, который, кажется, стал теплее, и шепнула в оттопыренное ухо его:

– Никому нельзя верить.

Уши у зверя были коровьими, а вот пара острых, загнутых к затылку рогов вообще непонятно чьи. Впрочем, рога его не портили, как и гребень из птичьих перьев, мягких на ощупь. Камень не бывает мягким.

– Стой, – а вот теперь в голосе Амелии звякнуло железо. – Если ты сейчас уйдешь, то...

– Что, дорогая? – Насмешка.

Действительно, что?

На развод подаст? К маме съедет? Смешные взрослые угрозы...

Я точно старой девой останусь. Заведу себе с полдюжины кошек, буду их откармливать, выгуливать и гладить теплые шерстяные спины, жалуясь иногда на неустроенность, а как совсем невоюготу станет, вспомню этот вот разговорчик, оно и отпустит.

– Кажется, дорогой, ты забыл, что и мое слово в этой семье

что-то да значит. Мне жаль, что я вынуждена прибегнуть к подобным мерам, но, если ты сейчас просто уйдешь, я воспользуюсь правом заморозить счета.

Я мысленно поаплодировала Амелии.

– Даже так?

А папенька, похоже, не удивился.

– Даже так, – произнесла она чуть тише. – Мне надоело, что ты полагаешь меня пустым местом... и не только меня, я бы стерпела, но девочки... ты их просто-напросто не замечаешь. Никого не замечаешь, кроме себя.

А то, папенька еще тот козел, редкостной породы. Странно, что она только сейчас очевидное заметила.

– Я знаю, что ты меня не любишь... никогда не любил... тебе нужны были деньги, а я, наивная, полагала, будто моей любви хватит на двоих.

От этой мелодрамы у меня челюсти сводит.

И не у одной меня. Я похлопала зверя по плечу, ободряя: ни одна трагедия не длится вечно. Сейчас поплюются ядом, выяснят, кто в доме главный и что со мною делать, после чего разбегутся кто куда.

– И даже когда ты ушел... месяц после нашей свадьбы, и ты ушел... я не думала о разводе. Я надеялась, что ты поймешь, осознаешь... Я скрывала от отца, где ты...

Дура.

Влюбленные все, как я заметила, с головой не слишком дружат.

– Твой папаша меня терпеть не мог, – с толикой раздражения произнес папенька.

А я сделала вывод, что отец Амелии был разумным человеком. В отличие от доченьки.

– Наверное, просто понимал, что ты такое, – печально сказала Амелия. – К счастью, как бы то ни было, но его состоянием управляю я. И вашим тоже, точнее жалкими крохами, которые от него остались. Ты и твоя матушка никогда не задумывались, откуда берутся деньги. Вы только и способны, что тратить. Я не мешала, я полагала, что если стала частью семьи...

– Тебе оказали честь...

Как по мне, весьма сомнительного свойства.

– Так вот, если мы не договоримся, то сначала я заблокирую ваши счета. Затем подам на развод, и просьбу удовлетворят быстро... мой кузен...

– Избавь меня от своих родственников.

– Если ты избавишь от своих, – а тетенька-то, оказывается, железная. И зверь со мной согласился. Странное дело, но я ощущала его симпатию.

Воображение.

И нервы... нервных клеток я сегодня потратила изрядно, все-таки слишком много случилось, чтобы это прошло без последствий, и если истерика мне, надеюсь, не грозит, то...

В конце концов, почему статуя не может симпатизировать Амелии? Не к папеньке же ей проникаться.

– Развод мне дадут быстро. После него я потрачу все свои силы, чтобы уничтожить тебя. К слову, сил понадобится не так и много... Закладные, кредитные договора... Если я выставлю на погашение хотя бы половину того, что у меня есть, тебе придется продать не только это треклятое имение с родовым гербом вкупе, но и собственные почки.

Я кивнула, сделав пометку: трансплантация и здесь в ходу. Чудесно.

– Амелия, ты опять делаешь из мухи слона.

– Да? То есть твоя незаконнорожденная дочь, само существование которой делает из меня посмешище, это мелочь? Или, полагаешь, никто не сопоставит ее и твое отсутствие... по семейным делам? Нет, дорогой, хватит! Я терпела... я слишком долго терпела, многое спуская вам с рук, и... и если не хочешь войны, просто ответь: что ты собираешься с ней делать?

Да-да, я тоже послушаю и вернусь к себе, а то мало ли... нет, меня точно не ищут, мы со зверем это чуяли, но вот стоять в уголочке, вжимаясь в стену, то еще удовольствие. Да и сквозит в этом уголочке изрядно. Только... что-то сдается мне, папенька молчит вовсе не из упрямства, он же не самоубийца, злить женщину, в руках которой семейные финансы? Просто сам понятия не имеет, что со мной делать.

– Амелия, пойми, я не мог ее оставить... сеть сработала. Сигнал пошел и был зафиксирован. За ней в любом случае кого-то да отправили бы. Началось бы разбирательство,

а выяснить, что она моя дочь, не сложно. Тогда это скрыть не выйдет.

– А теперь выйдет? Девчонка в моем доме...

За дверью стоит и слушает, не понимая, как у нее получается, потому что с виду дверь солидна, надежна и подслушать что-то крайне затруднительно.

Получается и получается.

Радоваться надо, а не вопросами задаваться.

– Может, к матушке ее отослать?

– А дальше?

– Не знаю! Я... я не ждал, что она окажется одаренной! – а вот теперь папенька злиться изволят. – Полукровка... шансы ничтожны... и лет ей сколько...

Много мне лет.

Двадцать с хвостом...

– Сама знаешь, дар проявляется рано, а тут... поздний прорыв...

Пауза.

В тишине я слышу собственное дыхание, и как-то неприятно – воздух горький, а глаза щиплет, не иначе, от пыли. Вот ведь, дом огромный, люди живут с виду приличные, а с уборкой явные проблемы.

– Хорошо, – Амелия произнесла это так, что становилось ясно: ничего хорошего она не видит. – Допустим, дар... воля Милосердной... что нам делать?

– Так матушка выучит, а нет, заблокируем.

– И потом?

– Замуж.

– За кого?

Замуж я не согласна! И дар мой, пусть я его не ощущала, но не позволю вот так взять и лишить меня его!

– Неважно, отыщу кого-нибудь... В конце концов, девчонка с даром, детям его передаст, а в Фелиссии, сама знаешь, с одаренными проблема. Им и приданого не понадобится, – папенька оживился. – Если отписать Патрику, то... пара дней – и проблема решится.

Проблема, стало быть?

Ярость душила.

Хотелось шагнуть и высказать этой сволочи все, что я о нем думаю.

– А Служба контроля?

– Не имеет права вмешиваться в дела семейные. Потерпи, Амелия, несколько дней, и она уберется, все станет как прежде...

О да, и все будут счастливы. Кроме меня, оказавшейся у черта на куличках – и думать не хочу, где эта их Фелиссия находится, и, быть может, зверя. Он явно был недоволен.

Вот только недовольство его, кажется, ощущала лишь я.

– Никто ничего не узнает...

А вот это мы еще посмотрим.

Глава 3

В отведенные комнаты я возвращалась в состоянии глубокой задумчивости.

Замуж?

Не хотелось.

Как-то вот настораживала папенькина уверенность, что из этой Фелиссии, где бы она ни была, я не вернусь. Может, у них там женщин на поводках водят, не знаю. И дар блокировать... Чую, ничего хорошего за этим не стоит.

А значит...

Бежать?

Не вариант. Если один раз нашел, отыщет снова. Следовательно, необходимо искать альтернативу... и союзник нужен. Думай, Марго, думай... у тебя ведь только и есть что голова на плечах и сомнительное наследство, из-за которого ты влипла.

Ночь прошла беспокойно, и отнюдь не из-за розоватого оттенка луны, которая повисла на небе крупной бусиной. Незнакомые очертания созвездий добавляли сюрреализма.

А еще ощущение, что все происходящее происходит не со мной.

Сон это.

Больной такой сон. Подзатынувшийся, но если ущипнуть себя за руку...

Щипала.

Сон не проходил. А утро принесло головную боль и раннюю побудку. Софра решительно сдернула с меня одеяло – к слову, несколько затхлое, верно, проветривали его давненько – и произнесла:

– Леди Амелия желает видеть тебя за завтраком.
Главное, чтобы не на завтрак.

Завтракали здесь с размахом.

Огромная комната со сводчатым потолком, с которого на пяти цепях свисала уродливейшего вида люстра. Мне она напомнила кусок слюды, слегка поточенный термитами.

Массивный стол.

Неподъемные стулья. Рыцарские щиты и стяги цвета венозной крови. В общем, куда как располагающая обстановка для дружеской беседы. Омлет со шпинатом, который я терпеть не могла с детства, прекрасно в нее вписывался.

Как и Амелия.

Сегодня она выглядела старше, таких неопределенных «слегка за тридцать», где «слегка» может растягиваться на годы. Я видела морщинки в уголках глаз.

И скорбные носогубные складки.

Тени под глазами.

А сердечко у нее пошаливает. И с желудком нелады, определенно... она знает, и к врачам обращается, пьет что-то этакое, полезное, но проверенные зелья почти не помогают.

– Ешь, девочка, – тихо сказала Амелия, отодвинув тарелку. И поморщилась.

А ведь и не помогут.

Совсем скоро ноющие боли, которые возникают время от времени, будут беспокоить ее чаще, а потом и вовсе станут частью жизни.

Я отправила в рот кусок воздушного омлета.

Шпинат здесь готовить умели, да и я давно уже утратила прежнюю разборчивость. Само наличие завтрака – уже повод для радости.

– Ты слышала вчерашнюю беседу. – Амелия сложила накрахмаленную салфетку вдвое.

А она откуда знает?

Хотя... с моей стороны наивно было полагать, что меня оставят без присмотра.

Я молчала.

Амелия же разглядывала меня и...

– Я не спала всю ночь...

– Это вы зря.

– ...Думала. Сердце в очередной раз вошло в противоречие с разумом, но я не собираюсь повторять свою ошибку, – она прикрыла глаза и откинулась на спинку стула. – Но, чтобы решить, как поступить дальше, я должна понять, чего хочешь ты.

– А вам интересно?

– Не слишком... – честно призналась она. – Но... ты ве-

ришь в богов?

– Богов? У нас там один... и не слишком.

Где был этот Бог, когда я молила о помощи? Не за себя, за маму, вдруг потерявшуюся во всеобъемлющем своем горе. За отца, который должен был образумиться и возвратиться. За... да плевать, мне только и твердили, что испытания даны во благо и я должна смиренно нести свой крест.

Хрен им тертый, а не смиренность.

– Здесь верят в Милосердную. Она покровительствует женщинам. А супруг ее, Великий, – мужчинам. Сейчас многие говорят, что боги давно покинули этот мир, а потому молитвы наши лишены всякого смысла, как и сама идея поклонения высшим силам.

Чудесно, именно этого знания мне сейчас и не хватало для полного счастья.

– Не понимаешь? Когда-то я поступила... не слишком хорошо. За что и наказана. Богами. Высшей справедливостью. Самим миром... – она повертела пустой бокал. – Твое появление, полагаю, часть... моего пути...

– Если в монастырь хотите, то без меня, – на всякий случай предупредила я, добавив чуть тише: – В монастырь меня тянет еще меньше, чем замуж.

Как ни странно, Амелия улыбнулась, несколько криво, но все же.

– А чего бы тебе хотелось?

– Выучиться. Получить профессию, которая позволит

прожить. И жить.

Наклон головы, а в глазах такая характерная желтизна, которая явно свидетельствует о проблемах с печенью.

– Как понимаю, людей с даром немного? – раз уж позволено, то стоит говорить. Что я теряю, в конце-то концов?

– Не так много, как хотелось бы... и да, услуги одаренных всегда в цене.

Хорошо...

– С одной стороны, дар у тебя проявился ярко, да и сейчас очевидно, что силой обладаешь ты немалой, – она смотрела на меня с прищуром. – С другой – позднее пробуждение и незнание реалий мира. Как правило, дар просыпается в подростковом возрасте. Тогда же и начинается обучение. Для среднего сословия существуют специальные классы, для белой кости более привычно домашнее обучение...

Пауза.

И кофе, который подают Амелии в высоком кофейнике.

Кофе черный, тягучий, и я невольно сглатываю: к кофе я пристрастилась еще на первом курсе, компенсируя кофейным недостаток сна. А запах...

Амелия молча протянула мне чашку, а когда я взяла, сказала:

– Здесь следует быть крайне аккуратной с напитками. За кофейной горечью многое можно скрыть. Нет, Маргарита, меня не стоит бояться. Я, как и ты, целитель... могла бы быть, если бы захотела. Но здесь не принято, чтобы леди ра-

ботали.

Произнесла она это с сожалением.

– Поэтому вы занялись финансами?

Кофе был крепок и горек.

Его варили с шоколадной крошкой и крупинкой красного перца.

– Пришлось... многое пришлось... казалось, что любовь как высшая цель стоит некоторых жертв. Но в какой-то момент жертв стало слишком много, – она постучала ноготком по столешнице. – Итак, если ты решишься учиться, тебе придется тяжело.

Можно подумать, мне когда-то легко было.

– Поэтому подумай, возможно, замужество...

– Нет.

– Почему-то мне так и казалось, – она кивнула, соглашаясь с собственными мыслями. – Но... ты должна принять решение сейчас. Вечером к нам совершенно случайно, полагаю, по делам, к нашим отношения не имеющим, заглянет свекровь. А леди Тайлин – удивительной силы зельевар... несколько капель «Белого сна», и ты с радостью выполнишь любой ее приказ. Нет, она не жестока, она заботится о своих внуках и, полагаю, пристроит тебя в приличные руки.

Как котенка.

Почти породистого, но без документов. К лотку приучен, ветпаспорт прилагается.

– Женщины с даром ценятся...

– Я уже поняла.

Нет уж, обойдусь без этакой... благотельницы, мать ее. А то, что от добрых старушек ни яблок, ни пряников, ни прочей еды брать не следует, я еще в детстве усвоила.

– Так что вы предлагаете? – я поерзала.

Она бы не пригласила меня к завтраку, не завела бы этот разговор, не будь у нее реального предложения. И видит Бог, или боги, или этот треклятый мир, в который меня занесло, я его приму, ибо из двух зол, как говорится...

– Я оплачу поступление. И репетиторов, которые помогут тебе восполнить существующие пробелы в образовании. Более того, я открою на твое имя счет... скажем, на семь тысяч талеров.

Еще бы знать, сколько это...

– Немало, – усмехнулась Амелия. – Но и не много. На собственное жилье не хватит, но на пару лет спокойной жизни – вполне.

– А взамен?

Бесплатный сыр, он для организма крайне вреден.

– Ты подпишешь отказ от всех притязаний на имя и ответственность рода.

Тю! И только-то?

Амелия подняла руки.

– Это не мелочи, девочка. Здесь бумаги заверяются магическим способом. Ты потеряешь всякое право взывать к роду, просить о его помощи...

– А сейчас могу?

– В теории... скажем, если ты обратишься в Совет с петицией, неважно с какой, главное, что ее примут к рассмотрению.

– И рассматривать станут пару-тройку лет? – Что такое бюрократия, я знала не понаслышке.

Амелия кивнула и уточнила:

– Иногда и десятилетий. Одаренные живут несколько дольше обычных людей, отсюда некоторая... медлительность... кроме того, существует негласное правило максимального невмешательства в дела семьи.

Понятно.

Я почесала руку, которая зудела, а значит, запасы нервного волокна подходили к концу. К вечеру, как пить дать, появятся красные пятна. Хорошо, что в сумочке где-то должен быть тюбик с кремом, а то в почесухе удовольствия мало, а местных мазей я уже боюсь.

– Однако, как только ты завершишь бумаги...

И удивительное дело – эти бумаги появились передо мной.

– ...ты окажешься вне рода. Ты не сможешь претендовать на титул и состояние даже в случае, если не останется иных наследников. Однако и род, будь то мой супруг или его мать, потеряют возможность воздействовать на тебя. Во всяком случае, прямо. Да и одно дело – использовать эликсир, скажем, в воспитательных целях... на благо рода...

Ага, по ходу, разные у нас с родом представления о благе.

– ...и совсем другое – на постороннего человека.

Нет, я понимала, что Амелия далеко не откровенна и все куда сложнее, чем она пытается представить, и, быть может, поторговавшись, я бы выбила себе условия получше, но...

Я пробежалась по строкам.

На первый взгляд все просто и очевидно... Я, Маргарита... чужой хвост имени, который я долго пытаюсь осмыслить, добровольно и осознавая последствия, отказываюсь от рода... прав... и так далее, и тому подобное...

Пустая строка, куда, как понимаю, надлежит вписать новую фамилию, вернее старую, но кто виноват, что в этом мире стало все шиворот-навыворот.

А вот еще один договор – на сей раз с некой компанией «Шантар Лик» об оплате моего обучения.

И еще один – о выплате мне компенсации за...

– Землетрясение случилось не так давно, пострадавших хватает. Это объяснит твою некоторую... инаковость, – спокойно произнесла Амелия. – Если ты не против.

Мне было, признаться, все равно.

– Подписывать кровью? – я заглянула в чашку, но кофе закончился, а добавки мне не предлагали.

– Приятно видеть, что ты так быстро ориентируешься в наших реалиях.

Амелия подвинула серебряный портсигар. То есть сперва мне эта коробочка показалась портсигаром, но внутри обнаружилось тонкое стальное перо с острым наконечником. Та-

кое палец проткнет не хуже ланцета. Да уж... и не признаешься, что пошутила.

Я взяла перо.

Примерилась к пальцу.

– И все-таки зачем... ведь было бы проще... опоить и...

Амелия потеряла виски.

– Я уже наказана. И я не хочу, чтобы пострадали и мои дети. Не волнуйся, боли не будет.

И вправду не было, а кровь впиталась в лист моментально. Вот тебе и магические технологии... В следующее мгновение я ощутила невероятную слабость.

Сердце застучало.

Быстро, и еще быстрее. Закружилась голова. И запахло горелым. Аромат был столь явный, горький, что я даже испугалась: а не я ли это горю...

– Тише, девочка, – Амелия подхватила меня и вынула перо из ослабевших пальцев. – Это скоро пройдет... надо потерпеть... дух рода не любит отпускать то, что принадлежит ему.

А перед моим внутренним взором предстала та самая каменная тварь. Она была живой и смотрела так... с упреком.

Я хотела сказать, что у меня нет выбора.

Что если разобраться, то этому роду я не слишком нужна... и что сожрут меня не задумываясь, а она, тварь, единственная, кто отнесся ко мне с сочувствием, не поможет.

И она, кажется, поняла.

Вздохнула.

, потянувшись, коснулась моего лица широким носом. Онадохнула, и меня окутало белесое пламя. Странно, но жара я не испытывала.

– Спасибо, – сказала я твари, когда пламя впиталось в тело.

Именно тогда ко мне вернулась способность дышать.

И слушать.

Глава 4

Время.

Оно ощущалось созданием иначе, нежели людьми, огонь-ки душ которых вспыхивали и гасли... вспыхивали и гасли... такие обманчиво близкие.

Хрупкие.

Сладкие.

Время было твердым, как стекло. Пожалуй, что так. Или янтарь. В чужой памяти находилось изрядное количество воспоминаний, которые существо перебирало бережно. Это ложь, что оно было бездушно – напротив, к этому моменту оно сожрало достаточно душ, чтобы из остатков их слепить собственную.

Зачем?

Быть может, от скуки.

Камень холоден. Кругл. Мал. Он держит на себе целый замок, а внутри – еще один, полупустой, заселенный лишь призраками, которых сотворяло существо, разыгрывая сценки чужих жизней.

Вот толстая женщина в белом чепце прилипла к зеркалу. Она поворачивает его влево и вправо, наклоняет и отводит, надеясь, что измененное отражение сделает ее хоть немного красивей. У женщины крупные вывернутые губы и серьги в ушах.

Янтарные.

Когда это было? Его время неточно. Существо скользит в нем, перетекая из вчера в сегодня или еще дальше. Ему доступна и та материя, которую люди именуют будущим. И пожалуй, именно она подогревает интерес к игре.

Немного.

Существо позволило приблизить к себе новую фигурку, которая терпко пахла дымом иного мира. И запах будоражил, напоминая о времени, когда существо было свободно.

Оно могло перемещаться.

Искать и находить.

Смотреть.

Действовать... играть не только тенями, но и созданиями-во-плоти. Определенно, то время прочно увязывалось в понимании его со счастьем.

Поймали.

Лишили.

Заперли. Оставили эту подделку, пусть и бесконечную, и сложную настолько, насколько может быть сложно самосотворенное пространство, но... не то.

Не так.

Королевский маг очнулся, ощутив эхо раздражения.

– Что опять? – Этот человек, пожалуй, был даже где-то симпатичен. Он пришел сам и не испытывал страха. Он не молился камню, не лил на него тайком кровь, будь то кури-

ная или человеческая, – люди смешны в своих суевериях. Он пытался говорить, и не его беда, что человеческий разум слишком слаб, чтобы вынести долгую беседу.

Существо откликалось.

Иногда.

К этому времени оно научилось беречь собственные игрушки, и, пожалуй, почему бы и нет, эхо аватара, сотворенного во времена свободы, откликнулось. Сила к силе и... да, эта кровь впитает ее, а дар...

Людям понравится.

– Что происходит? – маг выбрался из смятой постели. Он был взъерошен и нелеп. Мокрые волосы, вспотевшая шкура... опять кошмары снились? Существо давно уже не заглядывало в чужие сны.

Надо будет исправить.

Оно ласково коснулось сознания человека, обещая ему скорые перемены. Всем им не помешают перемены... и они уже начались.

Еще летом.

Мальчик случайно открыл запертую дверь. А отец его, связанный неосторожной клятвой – ему казалось, что она не повредит роду, – оказался в западне. Любовь – это мило, но возлюбленные бывают смертны. Его тюремщик тоже попал в силки, полагая себя свободным, а на деле...

Все складывалось.

– Не понимаю, – королевский маг достал из рукава платок,

чтобы вытереть кровь. – Заговор? Нет?

Заговор...

Их маленькие смешные интриги питали разум, не позволяя ему угаснуть в заточении, поэтому заговорщикам, возникающим время от времени, существо было благодарно. Оно даже позволяло им оставаться – потом, после казни – в сотворенном им мире.

Правда, почему-то ответной благодарности души не испытывали.

Следовало признать, что в чем-то люди были сложнее, нежели ему представлялось.

– Нет? Тогда не пойму... им угрожает? Не угрожает... – Эта привычка разговаривать с существом вслух появлялась рано или поздно у каждого королевского мага. Вероятно, причиной тому было одиночество, а может, желание убедить себя, что мысли для существа закрыты?

Прямой угрозы не существует.

Они сами.

Каждый раз сами...

И, существо захихикало, представляя, до чего они удивятся, поняв, в какую ловушку себя загнали. С другой стороны, наблюдать было не так интересно, как участвовать. И пусть даже ожидание – временной пласт будущего был уныло однозначен – подарило бы существо свободу, но...

Желаемого можно добиться разными путями.

И, укрепив связь с аватаром, существо дотянулось до

хрупкой души, которая застыла на грани. Дотянулось. Задумалось на мгновение, любясь разнообразием вариантов.

Уничтожить?

Задержать? Нет, то же самое, что уничтожить... а вот усложнить...

У них должен быть шанс. Тем любопытней будет отнять его. И существо напитало связь силой. Душа крепкая, возьмет, сколько сможет.

– Ты понимаешь, что едва не убила ее? – какой неприятный голос, скрежещет, что гвоздем по стеклу.

– Можно подумать, вы бы огорчились...

– Пришлось бы многое объяснять.

Я лежу.

Определенно лежу.

Жестко.

А самое тело мягкое, по ощущениям – не тело даже, а кожаный мешок, заполненный киселем из мышечной ткани, в котором плавают остатки костей.

Так плохо мне никогда не было.

– Что ж, тогда нам повезло.

А уж мне-то... будет наука впредь, нехрен верить с полуслова. И надо бы подать знак, что жива, водички заодно уж попросить, чай, не откажут. А с другой стороны, разговорец наклеывается, чую, прелюбопытнейший. И не грех будет послушать.

Подслушать.

– Амелия, деточка, я понимаю, что ты нервничаешь, но это еще не повод поступать неблагоразумно. В конце концов, у меня и вправду имеется на примете один достойный молодой человек, который...

– Хватит...

– Позаботился бы о Маргошеньке.

Вот бесит меня, когда имя мое перевирают, да еще с этим присюсюкиванием. Маргошенька... крошенька...

Хаврошенька.

Влезла в ухо коровье, надеясь красавицей писаную статью.

– Как вы позаботились о своем сыне?

– Дорогая, ты знала, что будут некоторые... побочные эффекты.

Стук.

И холодная ладонь на лбу.

Раздраженное:

– Полукровки всегда отличались поразительной живучестью...

Конечно, закономерно было бы предположить, что бабушка не обрадуется моему появлению, но вот откровенное такое сожаление по поводу того, что я все-таки жива осталась... Обидно, знаете ли.

Но обида отодвинула боль.

Ощущения возвращались. Болезненные довольно-таки ощущения – мышцы ныли, и тянуло, и крутило, и кажется,

я начинаю понимать, что такое радикулит вкупе с артритом. Главное, не застонать, нечего привлекать к себе внимание.

– Ты создала нам большую проблему.

– Девочка не сможет претендовать...

– Оставь, Амелия, мы обе понимаем, что претендовать-то она не сможет, но говорить... Ты хотя бы додумалась взять с нее клятву молчания? Нет? О да, ты всегда была скорее эмоциональна, нежели разумна.

Надо будет запомнить – этак красиво обозвать кого-то истеричной дурой.

– А если она начнет задавать вопросы? Нет, не сейчас, позже, когда обживется, заметит некоторые несоответствия... она ведь была достаточно взрослой, когда мой сын... образумился.

– Не без вашей помощи.

– Дорогая, ты знала и, скажем так, приняла непосредственное участие, что будет учтено судом.

– Пугаете?

– Напоминаю. Мне-то терять уже нечего. А вот ты, дорогая, вполне можешь оказаться на скамье подсудимых. Какой позор, какой скандал... отвергнутая жена использовала несчастную мать, чтобы...

Нос зачесался.

Тайны, тайны... скелеты в шкафах. Лежали бы себе дальше, что ж их всех так поговорить тянет? Или был прав честный вор и мой единственный, пожалуй, друг, когда говорил,

что любая тайна душу корежит и наружу просится, что свойство у секретов такое, чем дольше хранишь, тем сильнее тянет поделиться.

А с кем, как не с той, кто и без того в курсе?

И если так, то мне, можно сказать, повезло...

Повезло.

Зверь с темной шкурой был рядом. Я ощущала его присутствие остро, болезненно даже. Горячее его дыхание окутало коконом. Оно пахло сандаловыми палочками, которые у нас обожала Маришка, и еще свежим кофе.

Приятно.

И спасибо ему, наверное, что не убил. Ведь мог?

Мог.

И почему его не видят? Наверное, потому, что у них глаза открыты. А я с закрытыми лежу. С закрытыми глазами многое видится... иным?

Да, пожалуй, все именно так.

Зверь улыбался.

Он забрался мне на грудь, и оказалось, что не столь уж он огромен. И не тяжел, не тяжелее пухового облака... Пуховые подушки были у бабушки, маминой мамы, которая не одобряла папу, потому что нельзя связываться с женатым.

Она не ругалась, но лишь вздыхала.

И они с мамой, запершись на кухне, подолгу о чем-то говорили, а я же валялась на высокой скрипучей кровати, жевала кукурузные палочки и смотрела мультики.

Почему я вдруг вспомнила об этом сейчас?

У зверя ярко-зеленые глаза, будто из стекла бутылочного. И зрачков нет. Он смотрит на меня и в меня тоже... Бабушки не стало через четыре года после того, как отец ушел. Кажется, именно тогда мама окончательно сорвалась.

Депрессия.

И антидепрессанты, которые помогали, но ненадолго, а ей хотелось снова стать счастливой, и я была вечным напоминанием о предательстве и несложившейся жизни. Наверное, она слишком сильно любила, а потому сошла с ума.

Любить вообще опасно для здоровья.

– Не стоит меня пугать. Любое ментальное сканирование покажет, что моя вина не так уж велика.

– Что ты, деточка, какое сканирование... Я ведь так... напоминаю, что мы с тобой по-прежнему связаны. И деньги здесь...

– Вот в чем дело! – Амелия рассмеялась, только смех ее был каким-то... булькающим?

Будто она вот-вот захлебнется.

– В деньгах, конечно, в деньгах, всегда только в них... Вы не можете без денег.

– А кто может? – меланхолично отозвалась бабка, и я согласилась с ней: без денег сложно. А в зеленых глазах зверя мне привиделся упрек.

Я ведь не говорю о том, что ради денег убить готова, но... Сложно.

И голодно.

И холодно порой, особенно когда по первому снегу в дырявых кроссовках бегаешь. А потом лечишься травками, поскольку на нормальные лекарства тебе не хватает.

Зверь вздохнул и, приподнявшись, стал топтаться, аккуратно что кот... котов я люблю, и собак тоже, но собаки более прямолинейны, что ли? А вот коты всегда себе на уме. Даже когда их кормишь, они еду принимают с таким видом, будто тебе одолжение делают.

Зверь засмеялся и выпустил когти.

А мне не больно.

Совсем не больно... и да, кажется, я видела тонкие бледно-зеленые нити, которые то ли от когтей звериных потянулись, то ли, наоборот, к когтям.

– Конечно, если бы я пошла на развод, вы бы остались ни с чем. Я бы и приданое потребовала вернуть, а так... поддерживать глупышку, уверить ее, что все будет хорошо, если... И муж вернется...

– Он ведь вернулся.

– Не он, не тот, кого я любила, тот был другим. Знаете, я даже не сразу поняла, как меня обманули. Да, он был рядом... и даже иногда заглядывал ко мне... но...

Цокот каблуков.

И скрежет, будто что-то тяжелое отодвинули. Запах духов, нежный, цветочный.

– Он перестал мечтать... и гореть... он забросил работу,

а ведь подавал такие надежды.

– Случается.

– Его вообще перестало интересовать что-либо, и я в том числе. И девочки наши. Не удивлюсь, если окажется, что он и имен-то их не помнит... хотя это ложь, помнит. Он ведь стал таким... правильным. Тошнит...

– Это от нервов, дорогая.

Зверь заурчал, и голос его низкий отзывался во всем моем теле.

– В последнее время я все чаще думаю, а что было бы, если бы я решила на развод? Да, скандал, да... неприятно, но я была бы свободна и, возможно, нашла бы себе кого-то другого... не настолько равнодушного.

– Ах, дорогая, это все пустое, – а вот теперь старушка разозлилась. Я даже видела ее – объятую пламенем фигуру, от которой расползались жгуты болотно-зеленого колера. – Не забывай, у тебя есть о ком заботиться, и постарайся не наделать глупостей.

Она помолчала и добавила:

– Еще больших глупостей...

Зверь кивнул рогатой головой.

– Куда ты ее отправишь?

– Мальврик.

– Далековато, но... в целом неплохое заведение, с сильным целительским профилем... однако ты кое о чем забыла.

Стук коготков по дереву. И страх, совершенно иррацио-

нальный страх, заставляющий меня замереть, хотя и без того подвижностью не отличалась.

– Мальврик не принимает полукровок...

Так, а это что за дискриминация?

И...

И тогда получается, что... нет, она тоже подписала договор, первой, а значит, нарушить его не способна.

– А Ирхат – девиц...

Шовинисты хреновы.

Мое возмущение заставило зверя улыбнуться, и длинные усы его закачались, превратившись ненадолго в пару змей. Впрочем, меня это не испугало. Зверь не навредит, это я знала твердо, хотя понять не могла, откуда взялась эта непоколебимая уверенность в его... хорошесть?

– Остается столица... – старушкина задумчивость нам со зверем не понравилась. – Королевский университет... заодно и на виду будет.

Это меня не обрадовало.

Глава 5

Спустя три дня я стояла перед приемной комиссией. Королевский университет прикладной и теоретической магии располагался не в самой столице, а в пригороде, что было весьма благоразумно. И, верно, для пущей надежности – студенты все же народ непредсказуемый – был отделен от города высоченной стеной.

– Положите руки на кристалл, – велела сухопарая женщина стервозного вида. Впрочем, мне почему-то казалось, что стервозность эта происходит единственно от усталости: надоело ей доказывать, что женщина тоже способна чего-то да достичь на поприще науки.

Я моргнула.

И подчинилась.

Кристалл был крупным, с человеческую голову, и больше напоминал оплавленный кусок стекла. Внутри этого куска то и дело вспыхивали искры, которые моментально гасли.

Небольшой зал.

Стены задернуты темными полотнищами. Высокие окна, напротив, открыты, но воздух все равно затхлый, с характерным таким запашком столовки. Пахнет здесь то ли борщом, то ли котлетами, то ли магией.

Длинные столы.

Трое магов и один секретарь, к слову, мужского пола и по-

вышенной прилизанности. На меня он смотрел сверху вниз, всем видом своим демонстрируя, что только столь безответственная особа, как я, может отвлекать серьезных людей от серьезных же дел.

Прочие члены приемной комиссии, собранной, как понимаю, единственно ради моей скромной персоны, особого недовольства не проявляли. Толстяк в светлом мятом костюме задумчиво ковырял мизинцем в носу, причем взгляд его был направлен поверх моей головы, в угол комнаты, где в тиши и сумраке висел огромный портрет коронованного мужика. Взгляд толстяка был туманен, и, полагаю, мысли его бродили где-то за пределами аудитории.

Его коллега что-то черкал на листочке, то и дело вздрагивая и время от времени засовывая карандаш в правое ухо. И так замирал, застывал, делаясь похожим на хамелеона перед рывком.

Женщина, пожалуй, была самой адекватной из всех.

А может, просто ей поручили общаться со мной, раз того протокол требует.

Кристалл нагревался. Сначала тепло было мягким, приятным даже, а искры внутри засветились, засуетились – уже не искры, а мальки разноцветные, и кружение их – танец, и завораживает, поэтому я, моргнув, отвела взгляд.

– Средний уровень устойчивости к ментальному воздействию...

Защелкала печатная машинка, а выражение лица секретаря

ря стало еще более недовольным.

– ...слабый к деструкции... активный целительский профиль... уровень... напиши пока базовый плюс, – велела женщина. – С высоким потенциалом роста.

Слушать было приятно.

– Теоретическая подготовка слабая. Рекомендую к зачислению на нулевой курс с последующим переходом на целительский факультет, – она поднялась. – Документы вам выдадут в ректорате.

Я удостоилась очередного презрительного взгляда.

Женщина же, помяв пальцами переносицу – а та была внушительна и клюваста, – продолжила:

– Настоятельно рекомендую не пропускать занятия, поскольку в случае вашей неуспеваемости мы имеем полное право отказать вам в зачислении, несмотря на оплату. – Фразу эту длинную, казенно-выверенную, она произнесла на одном дыхании. Видать, не впервой приходилось говорить.

И я кивнула.

Тихо произнесла:

– Спасибо, леди...

Секретарь скривился, а толстяк, вытащив из носа длинную полупрозрачную соплю, вытер ее о край стола и заметил:

– Леди тут не ходят... леди по домам сидят, деток нянчат.

Ну и дуры, что тут скажешь.

Сердце ухало.

Приняли.

Пусть на подготовительные курсы, но, положив руку на сердце, так даже лучше. Я не потяну учебу, ничего не зная ни о мире, ни о магии. А тут...

Я поежилась.

А тощий махнул рукой, мол, вас больше тут не держат, милочка. Можете быть свободны.

В коридоре пахло булочками и еще, пожалуй, прогорклым маслом. Было тихо. Сумрачно и прохладно. Чем-то наш институт напоминает.

Интересно, как там Вадик? Сходил к врачу все-таки или по давней своей привычке забил на неприятное происшествие?

И на меня.

Может, напился в тесной компании, пожаловался народу, что я, тварь этакая, неблагодарная, сгинула, не сказав на прощанье ни словечка. Кто еще вспомнит? Танька, на которую теперь и моя смена ляжет? Пациенты мои, вернее, их хозяйка, наверняка недобрым словом, ведь безответственно это – бросать их без предупреждения.

Мать...

Она, пожалуй, вспомнит обо мне, когда поймет, что жрать нечего. И то не факт...

Жильцы, занявшие бабкину квартиру, – им с маменькой будет проще дело иметь, чем со мной. Та-то давно не в том мире живет.

Я потрянула головой.

Нет, не думать.

Это все стресс, который не мешало бы заесть, раз уж в кармане моих джинсов завелась мелочовка. И плевать, что кошель этот был брошен папулей, не иначе как в остром при- ступе родительской любви.

Ни слова не сказал.

Взглядом смерил.

Кошель швырнул. И гордо удалился... сволочь. Бабку я так и не увидела, полагаю, к счастью, ибо договоренность до- говоренностью, а не нравилась она мне. Заочно, так сказать. Амелия извиняться за свой фокус не стала и вообще сделала вид, что ничего такого особенного не произошло. Зато оза- ботилась моим гардеробом, что, как по мне, лучше всяких там прощений.

На Амелию я, странное дело, не злилась. У нее был свой интерес, у меня – свой, а как уж оно получилось, так никто не обещал, что легко будет.

Итого, у меня имелась вместительная сумка, кошелек с парой сотен местных талеров как в бумажном, так и в метал- лическом воплощении. Связка книг, по словам Амелии, со- вершенно необходимых мне, и острое желание чего-нибудь сожрать.

Принюхавшись, я двинулась по коридору.

А что... внушительно.

Серые стены. Портреты в золоченых рамах. Окна и тяже- ленные шторы неопределенного цвета. Узорчатый свод. Из-

редка – статуи...

Со зверем я попрощалась.

Обняла и поцеловала в теплый нос, сказав:

– Если получится, то свидимся. А нет... спасибо за все...

Тепло, окутавшее ладони, было ответом.

– Надо же, – Амелия, единственная, кто вызвался проводить меня, действительно удивилась. – Он давно уже не отзывался.

– Кто?

– Хранитель рода. Что ж, значит, такова судьба...

Объяснять она не стала, а я не стала задавать вопросы.

Признаться, меня куда больше беспокоило грядущее поступление.

Я вздохнула.

Вот и...

Столовая.

Студенческая. Не сказать, чтобы огромная, не сказать, чтобы нарядная. Все же местные жители явно тяготели к сесрости и камню. Единственным украшением стен можно было считать прожилки строительного раствора и темные пятна, попадавшие то тут, то там.

Столики.

И до боли знакомая длинная лента.

Раздача.

Касса. И печальная тетка, выщипывающая брови.

– Новенькая? – она отерла пинцет о рыжий фартук и про-

вела мизинцем по остатку брови. – Куда?

– Целители... если подготовку пройду.

– А... из поздних?

– Вроде того...

– Чьих будешь? – ее любопытство было ленивым и незлым, а потому я пожала плечами и честно ответила:

– Похоже, что ничьих...

А кормили вполне сносно. За полторы монеты я получила миску супа-пюре, жаркое с гарниром из жареной моркови, сок и булочку.

– Ешь скорей, – посоветовала тетенька. – А то скоро понабегут...

И оказалась права. Я уже доедала суп, медленно, смакуя каждую ложку – все-таки вкус был довольно необычен, что-то ореховое и острое одновременно, когда раздался протяжный гудок. И столовая наполнилась людьми.

Что сказать...

А ничего, почему-то мне представлялось, что этот университет будет чем-то особенным, а на деле... те же люди.

Ни мантий.

Ни метел.

Ни волшебных палочек за поясом. Обычные студенты... суетливые, шумные, спорящие и пытающиеся одновременно протиснуться поближе к раздаче и доказать другим, что их здесь не стояло.

– Не занято, – то ли спросил, то ли поставил в известность

патлатый парень в драных джинсах. А я уж, право слово, начала думать, что их в этом мире и вправду не носят.

Я пожалала плечами.

Желания заводить знакомства у меня не было. Я вообще с людьми сходилась туго, медленно, а расходилась быстро и болезненно.

– Новенькая? – он ел быстро, широко расставив локти, будто опасаясь, что кто-то польстится на миску с супом и горку жареного мяса. – Куда?

– К целителям.

– И что, взяли?

– А не должны были? – в моей душе шевельнулись нехорошие подозрения. – Вообще-то на подготовительный пока, а потом... по результатам...

– А... – протянул парень, облизывая ложку. – Они полукровок не любят.

И, дернув длинным носом, добавил:

– Их нигде не любят.

Очаровательно.

А предупредить меня... с другой стороны, никто не обязан предупреждать. С третьей же... не любят? Плевать, лишь бы жить не мешали. Помнится, в прошлой моей группе меня тоже не больно-то жаловали. Пережила.

С четвертой...

– А с чего ты решил, что я...

– Полукровка? – парень пил компот, смачно прихлебыва-

вая. – Так... по потокам видно. Основные – явный аххари...

Знать бы еще, кто это такие. Или что это такое?

– ...А вот второго и третьего ранга нетипичны. Так только у полукровок бывает. Ты уже заселилась?

– А не видно? – я пнула сумку, стоявшую у стены. – Вот... пойду.

– Ага, – он задумался и, дернув себя за длинную прядку, сказал: – Провожу.

Сперва я думала отказаться: ни к чему мне новые знакомства, я еще со старыми не разобралась толком, но позже представила себя блуждающей по территории универа в поисках сначала ректората, потом общежития, и что-то подсказывало, что полукровок не любят не только студенты.

– Спасибо.

– Сочтемся.

Его звали Мареком, и он был шайфру, а потому обладал абсолютным слухом, нюхом и зрением. Что это значило, я не слишком-то поняла, но на всякий случай кивнула, мол, всю жизнь мечтала познакомиться с живым шайфру.

А он рассмеялся.

И забрал сумку, оставив книги.

– Ты, главное, помни, что дар есть дар и целителей немного, особенно на периферии. Там любого примут, полукровка ты или вообще кварталон. В столице тебе точно ловить нечего, здесь все места белой костью заняты, они и нас-то не

больно рады видеть, только обойтись не способны.

– Почему?

Марек вел меня по извилистой дорожке. По обе стороны ее протянулись чахлые кусты, среди острых и длинных, с мой палец, колючек которых виднелись белые невзрачные цветочки.

Зеленела травка.

Виднелись деревья разной степени неухоженности. Разрастался дикий виноград, укрывая стены благородного заведения, куда простому смертному попасть было непросто, глянцево-зеленой шубой.

Я не ошиблась, университет оказался просто-напросто огромен. Я насчитала не меньше дюжины строений, среди которых нашлось место и огромной оранжерее, и небольшому крытому стадиону.

– Потому что они способны лишь использовать, а мы, – Марек постучал пальцем по лбу, – думать, и видеть, и создавать новые базовые структуры. Не понимаешь?

– Не понимаю.

Мир этот был создан богами из остатков иных. Где уж и как добывали куски, не человекам о том задумываться, главное, слепленный наспех, соединенный нитями божественной силы, этот всепланетарный Франкенштейн ожил.

Четыре континента.

На одном – вечный холод.

На другом – жара такая, что не выдерживают и пустынные

обитатели.

– Полюса силы, – Марек остановился у высокого, в пять этажей, длинного строения, облюбованного диким виноградом столь плотно, что, казалось, еще немного, и здание рухнет под тяжестью его. – Деструкции и конструкции, между которыми и создаются силовые нити.

Зачем ему это?

Найти непонятную девицу, слишком выделяющуюся среди местных, возиться с нею, рассказывать что-то... Не настолько я красива, чтобы это можно было счесть заигрыванием, но и в бескорыстие я давно уже не верила.

– Еще два заселены... – Марек подобрал веточку и начертил на земле два кривоватых пятна. – Тут мы... королевство занимает почти весь континент... разве что пяток независимых княжеств осталось, но и то их независимость весьма условна, а вот тархам сложнее – у них давний раскол на два клана.

– Зачем? – я не выдержала.

– Что? Тебе пригодится...

– Это да, – согласилась я, делая пометку поскорее ознакомиться и с географией мира, и с экономикой, и вообще с местной реальностью, которая не ограничивалась более стенами гостеприимного родового особняка. – Но тебе зачем?

– Интерес... ты ведь не из этого мира?

– И что?

– Да как тебе сказать... наш мир связан с исходными. И

связи эти... используют. С некоторыми мы ведем торговлю, за другими наблюдаем, но... как бы объяснить. Это не афишируется, да... – Марек почесал веточкой светлую шевелюру. – Белая кость не слишком-то хочет делиться... редкостные консерваторы и ретрограды. Будь их воля, вообще закрыли бы врата.

То есть я ему интересна не сама по себе, а как источник информации?

– Мы же очень любопытны, – Марек оскалился, демонстрируя впечатляющего вида клыки. – Особенности расы... будете разбирать потом подробнее.

– Сделка? – я протянула руку. – Баш на баш?

– Это как?

– Ты рассказываешь о вашем мире, а я о своем.

В конце концов, информация – тоже товар. И стоит воспользоваться им, раз уж возможность появилась.

Марек улыбнулся еще шире.

– Идет! – он взял мою руку пальцами, и только теперь я обратила внимание на длинные темные когти.

А ведь я как-то морально не готова была, что в мире этом живут не только люди.

Точнее, кажется, я сама не в полной мере человек.

Глава 6

Как ни странно, заселение прошло без эксцессов.

В малой приемной мне выдали свиток и медную с виду бляху, которую надлежало прикрепить на одежду. А еще – тонкий ремешок, самостоятельно обвивший мое запястье.

– Это контроллер... – Марек продемонстрировал свой, на котором болталась белая бусина. – Во-первых, несет информацию о тебе, если вдруг окажешься за пределами универа – мало ли что в городе произойти может?

Я кивнула и подергала браслет, уж больно тонким ремешок выглядел.

– Не, – Марек рассмеялся. – Сама не снимешь, и не пытайся. Если его снять или хотя бы попытаться, то пойдет сигнал тревоги. Что? Одаренных не так и много... к тому же две трети их – белая кость...

Меня от обилия этой самой кости уже мутить начинает.

– Кроме того, он своего рода слабый щит и преобразователь. Тоже нужно, а то ведь одно время повадились поединки устраивать или пакости. От продуманных не защитит, само собой, но от всякой дури – вполне.

И на том спасибо.

В общежитии мой свиток приняли и выдали ключ.

Пятый этаж.

Лифта нет и, как понимаю, в ближайшем будущем не

предвидится. Ничего, пешком ходить полезно, даже по узким крутым лестницам. Профилактика гиподинамии, так сказать...

Коридор.

Комнаты.

На дверях литые цифры солидного вида. Запах гари и еще, кажется, дым, который стелился по полу.

– Алхимики, – Марек помахал ладонью перед носом. – Опять что-то творят, но они вполне мирные. Тархи обладают отменным чутьем и чувством равновесия. В королевстве их изрядно. Большею частью те, кто не пожелал примкнуть ни к одному из кланов.

Ключ в замке поворачивался медленно, с протяжным скрипом.

– А... ничего, что ты здесь?

– В каком смысле? – Марек распахнул дверь и вошел первым, заметив: – Пыльненько...

А то, пыль лежала на полу. И собиралась клубами. Серым покрывалом затянула и стол, и стул, и подоконник. На стекле так вообще писать можно было.

Да уж, кажется, если здесь когда и убирались, то не в этом столетии. Ладно, я не белоручка, как-нибудь порядок наведу.

– Ты парень, а общежитие...

– Я живу на третьем, – Марек сел на кровать и попрыгал. – А у вас парни и девушки отдельно учатся?

– Нет, но...

– Здесь никому нет дела до того, что ты делаешь, если делаешь это тихо и не вовлекаешь администрацию.

Что ж, пожалуй, подобный подход мне по душе.

– За бельем пойдешь? Если поторопимся, то успеем, а то Матильда обычно рано уходит и поздно приходит.

Успели не только за бельем. Марек возвращался нагруженным: ведро, тряпки и темная бутылка с чистящим средством, которого пожилая женщина нам отлила щедрой рукой.

Я еще успела подумать, что день, кажется, вышел очень даже неплохим.

Зря.

Пора бы уже усвоить, что если что-то вдруг складывается удачно, то судьба заготовила очередную пакость. Нынешняя была хороша. Высока... я и сама вышла не низкою, в папеньку, чтоб ему и на том свете икалось, как попадет, но этот... в блондинчике было метра два.

Плечи широки.

Бедра узки.

Джинсы тесны, дабы узкость подчеркнуть, а футболка без рукавов торс, стало быть, облегает, тоже не случайно. Цепь бы ему золотую для полноты образа. И перстенок с алым камнем.

– Маркуша очередную цацку нашел? – блондинчик заступил дорогу, а поскольку общаговский коридор был темен и узок, что прямая кишка, обойти этого красавца не представ-

лялось возможным. – И что это у нас за птичка такая?

За блондинчиком, как и положено, виднелись еще двое.

Подпевалы, стало быть.

И по совместительству – лучшие, мать его, друзья, верные сподвижники... За Вадиком тоже приятели тягались, еще более безмозглые, чем он сам, способные лишь бухать, курить и генерировать тупые пошлые шуточки.

– Айзек, доброго тебе дня, – Марек поставил ведро на пол. – Вижу, ты снова в бодром здравии... несказанно за тебя рад.

Блондинчик нахмурился.

А парочка за его спиной – рыжий и брюнет, хоть ты группу создавай... им и петь не обязательно, с такой-то внешностью...

– Совсем страх потерял? – поинтересовался рыжий.

А брюнет, верно, не найдя подходящих слов – встреча была неожиданной, а словарный запас, видимо, небольшим, – выразительно бухнул кулаком по стене. Стена, что характерно, выдержала, только кусок штукатурки с потолка обвалился.

– Что вы... невозможно потерять того, чего не имеешь, – Марек отступил чуть влево, а рука его скользнула в карман драных джинсов. Сомневаюсь, что там он визитки держал. – И все-таки я бы настоятельно рекомендовал побереечь свое здоровье...

– Уймись, пиявка, – Айзек взмахом руки просто снес мо-

его нового знакомого к стене. – Ты мне мало интересен... а это что за птичка?

– Воробей, – буркнула я.

– Полукровка... – он разглядывал меня с ленивым интересом, будто прикидывая, стоит ли такое ничтожество высочайшего внимания или все-таки обойдется. Я очень рассчитывала обойтись. – Чья будешь?

– Своя собственная.

– Это пока, – заржал рыженький. – Была собственной, станешь общей...

Говорливый он, однако.

– Помолчи, – Айзек поморщился. – А ты, девочка, не водись с пиявками. Для здоровья опасно.

И, развернувшись, он медленно удалился, прихватив с собой приятелей.

– И что это было? – я сама подняла ведро. – Марек?

Тот вздохнул и, раскрыв ладонь, потрогал мятый клочок бумаги, который тотчас засунул в задний карман.

– Айзек...

– Я уже поняла, что Айзек. Что он такое?

– Он... – Марек потер лицо и как-то вдруг сразу оказалось, что он куда старше, чем я думала. – Он белая кость...

Это я уже поняла, белая кость, голубая кровь и корона в зубах, с которой он на свет явился, дабы оный свет впечатлить собственным великолепием.

– ...Маркиз де Шаррах... племянник короля.

Ага, корона не только в зубах, стало быть. И кровь куда голубее, чем мне представлялось. Да уж, от таких мажоров надо держаться не просто подальше, а так далеко, как это вообще возможно.

– Он учился в академии Ирхат...

Что-то там такое бабуля, не к ночи ее вспоминать, про нее говорила.

– ...Но потом что-то произошло, а что – никто не знает, и в прошлом году его перевели сюда, – Марек больше не делал попыток отобрать ведро. Он шел рядом, сгорбившись, втянув голову в плечи.

– Вам на радость...

– Женщинам он нравится.

– Не без взаимности, полагаю.

– Айзек помолвлен, – счел нужным предупредить мой приятель, любезно распахнув передо мной дверь. Хоть на что-то его да хватило. – Однако...

– Это ему не мешает.

И его друзьям.

Оставалось надеяться, что о встрече нашей Айзек забудет. Да и то, к чему ему в голове его царственной удерживать ненужную информацию? Я полукровка и, по местным меркам, сорт второй, если вообще не отходы... и да, Марек прав, столичная жизнь мне не нужна.

Она и в прошлом мне не слишком нужна была, а уж тут...
Провинция.

Тихий небольшой городок, где целитель – величина значимая, вне зависимости от его происхождения. Да и жилье там дешевле будет, и цены в принципе... и если так, то...

То думать стоит о ближайшем будущем, а не об отдаленном.

Марек стоял, прислонившись к стене, и задумчиво наблюдал за тем, как я мою пол. Не видел никогда, как это делают? Или полагал, что в моем мире имеется какой-то особо тайный способ?

– Не поделили что-то?

Он вздохнул.

И потрянул светлой гривой.

– У меня была девушка... – сказано это было с такой тоской, что мне захотелось дать Мареку по голове. Тряпкой. Терпеть не могу чужие трагедии. Мне своих хватает. – Айзек обратил на нее внимание, и она решила, что это истинная любовь...

– Дура.

– Если бы так, я бы отошел, но... две недели весны, а потом он нашел новую игрушку. Элайя была... раздавлена. Убита...

– Собственной глупостью.

Нет, а как еще назвать эту нелепую надежду, что некто королевской крови возьмет и расторгнет помолвку на радость всей родне и потащит к алтарю неизвестную девицу?

Чушь.

– Я был рядом, но... не сумел удержать. Она покончила с собой, – Марек опустил голову.

– Вдвойне дура, – я отжала тряпку.

Ну а как это еще назвать?

– Ты не понимаешь...

– Не понимаю, – я протянула ведро. – Воду сходи поменьшай, ладно? А что до твоей подружки, то... скажи, она не знала про помолвку? Или, может, этот ваш Айзек ей колечко обещал и любовь до гроба? Или... не знаю, силой в койку уложил?

Марек подхватил ведро и вышел, хлопнув напоследок дверь, и так, что с потолка побелка посыпалась. Надо же... магия есть, а побелки нормальной и здесь не придумали.

Я присела на кровать.

В общем, кажется, беспокоиться нет причин. Девицы вокруг блондинчика вьются сладким роем, норovia затянуть в тенета истинной любви. И надо лишь держаться в стороне от этого самого роя.

– Он сволочь! – Марек бухнул ведро, расплескав воду.

– Не спорю, – вытереть пыль – дело пары минут. А вот второй раз пол я мыла тщательно, то и дело останавливаясь. – У него это на роже написано, только... понимаешь, даже самая распоследняя сволочь не несет ответственности за поступки другого человека, то есть иногда несет... Если бы он твою подружку травил, прохода там не давал, унижал и тому подобное... то да, у нас и статья на это имеется, в Уголовном

кодексе...

И надо бы в библиотеке местный прихватить, полистать на досуге, а то незнание законов от ответственности не освобождает, а вот знание – очень даже помочь способно.

И Гражданский тоже.

И Конституцию, если она имеется...

– Но если любовь эта была делом добровольным, о последствиях девушку предупредили, то... в чем он виноват?

– Ты тоже...

Марек стиснул кулаки.

– Не-а... скажи, этот ваш Айзек, он ведь не здесь обретается?

Что-то не ассоциировалось у меня местное общежитие с племянником короля.

– Здесь.

– Суровенько так, – вода в ведре была слегка серой, зато на полу проявился рисунок «под паркет». Чувствую, еще пара промывов, и окажется, что паркет тут и вправду наличествует. – За что его невзлюбили?

– В смысле?

– Я – понятно, мне жилье снимать причин нет, и здесь неплохо, а ему...

– А... – Марек подвинулся, позволив мне помыть у двери. – Во-первых, некоторые занятия начинаются рано или вообще проходят ночью. А во-вторых, здесь имеется общежитие повышенного уровня комфортности. Правда, стоит

оно...

Так, по спросу, полагаю, и цена.

– Айзек снимает половину этажа. Малкольм и Раймонд постоянно при нем... – это Марек произнес с некоторым сожалением. Мстить, что ли, собрался?

Или не просто собрался, но и...

Нет, мне от этой войны стоит держаться подальше. Очень сильно подальше, поскольку у Марека семья есть, которая худо-бедно прикроет, а меня так сами боги велели крайней назначить.

– Послушай, – я распрямилась и потянулась. – Мне плевать на ваши с ним разборки, но я буду тебе благодарна, если не станешь меня в них втягивать. Воевать – воюйте, но подальше, ладно?

Глава 7

День за днем.

И еще один.

Второй, третий и десятый, который почти не отличался от двадцатого и тридцатого. Как ни странно, но я втянулась в местную размеренную жизнь.

Подъем.

Умывание. Завтрак. К слову, готовили в столовой вполне прилично.

Занятия.

Обед и снова занятия. И ужин, после которого я училась уже сама... не сказать, чтобы все было так уж сложно.

География.

Расоведение.

История – на редкость занудная вследствие повального миролюбия. Войны здесь случались крайне редко, и даже место вождя на соседнем континенте делили на суде старейшин, а не с оружием в руках... Так что особых сложностей не возникло.

Другое дело – магия... Здесь я не знала действительно многого, и это незнание ставило под угрозу мое светлое будущее, с мыслью о котором я уже сроднилась.

– Ты просто чересчур уперлась в теорию, – Марек заглядывал едва ли не каждый день, и если поначалу это повы-

шенное внимание меня изрядно раздражало – не привыкла я к столь тесному общению, то постепенно я смирилась. – Все эти классы и подклассы нужны теоретикам, да и то условны. Каждые десять лет их пересматривают и вводят новую классификацию...

Ага.

А я со старой разобраться не в состоянии. Что за... не могли, чтобы как в кино: маг огня, земли или там воздуха. Нет, деструкторы и конструкторы... порядки, подразделы.

– Смотри, – Марек решительно захлопнул толстенный учебник. – Грубо говоря, есть два полюса силы...

Это я уже проходила.

Как и признаки наличия силовых линий, географические аномалии с силовыми лагунами или вообще зоны нулевого натяжения, но... карты картами, как атласы и справочник Люшала с константами для определения плотности силового потока в зависимости от долготы. Я даже научилась пользоваться этими константами, все и вправду оказалось просто: достаточно подставить в уравнение и учесть пару переменных.

Моя способность это сделать, казалось, весьма удивила мастера Витгольца, высокого и мрачного аристократа, который вовсе не был рад свалившейся на него необходимости учить какую-то полукровку. Впрочем, за прошедший месяц он не то чтобы вовсе переменял свое мнение, скорее, стал относиться снисходительно.

– Ваше старание весьма похвально, – сказал он в прошлый раз, вручив мне десяток расчетных листов и еще пару справочников. – Попробуйте справиться с заданием первого курса...

Я пробовала.

И даже справлялась, пока не появился Марек.

– ...И соответственно силовых линий. Деструктивные, которые также именуется зоной хаоса, и конструктивные, позволяющие работать с материей... – Он забрался на стол, что меня дико раздражало, но стоило признать, что Марек не единожды помогал мне, буквально разжевывая некоторые моменты, казавшиеся авторам учебников очевидными. – Одаренность – это врожденная способность работать с тем или иным видом энергии, таким образом, маги, способные использовать деструктивную энергию...

– Деструкторы, – со вздохом сказала я, пытаюсь применить это зазубренное еще в первую неделю моих занятий знание к задачке.

И как, простите, мне посчитать процент распределения одаренных согласно решетке Ламмермана?

– Именно... и существует теория, что именно потоки и их интенсивность и определяют способности магов. – Марек помахал карточкой перед носом. – Смотри, у тебя даны координаты этой долины, соответственно тебе надо сперва определить, какие потоки там проходят, их интенсивность, а затем сопоставить... используй коэффициент коррекции...

Математику я всегда любила.

Я в принципе больше тяготела к естественным наукам, которые были понятны и конкретны. А вот гуманитарные ставили меня, мягко говоря, в тупик. Ладно еще правила, но вот, прости господи, всякие там метания книжных душ казались мне не то что непонятными, – смешными.

Русичка называла меня зачерстневшей.

Плевать.

Главное, здесь никто не требует от меня литературно изложить подвиг Сонечки Мармеладовой и лить чернильные слезы над трагической судьбой Наташи Ростовской... А посчитать – это я всегда с удовольствием.

Действительно просто.

Интенсивность.

Натяжение.

И сравнить... соотношение один к одному, и, следовательно, логично предположить, что конструкторов с деструкторами будет рождаться равное количество. После того как я поняла принцип, прочие задачи уже не казались мне неразрешимыми.

Справочники.

Линейки.

И жаль, что калькуляторов здесь нет, а со счетами я не больно-то в ладу.

Марек молчал... то ли о своем думал, то ли мною любовался. Надеюсь, что нет, поскольку приятель из него непло-

хой получился, как по мне, жаль будет потерять, если его данное гордое звание не устраивает, но к романам и романчикам я не готова.

– Что там у тебя еще? – он взял следующую тетрадку.
Травоведение.

И малый атлас анатомии, который был мало отличен от нашего земного, а потому особых усилий не требовал. Анатомию я знала прилично, все-таки изначально собиралась в медицинский поступать, благо вовремя образумилась.

– Прогуляемся? – Марек сложил мои тетради. – Или ты как?

Я никак...

Еще повторить бы классификацию заклинаний, а после... сложно все-таки за пару месяцев усвоить то, что прочие учат годами. Но настроена я была серьезно: сейчас конец июня, который в этом мире называли серпогоном. Новый учебный год начнется в сентябре, стало быть, в конце августа меня ждет комиссия, которая и определит, можно ли зачислять меня на первый курс или надо еще год потратить на подготовку.

Лишнего года у меня не было.

Но и права на нервный срыв тоже, а с учетом, что потоки эти мне уже по ночам снились, срыв был не за горами.

– Прогуляемся, – согласилась я и поднялась.

Университет почти обезлюдел, чему я лишь радовалась. Студенты разъехались по домам, остались либо те, кому, как

я понимала, ехать было некуда, или же испытывавшие трудности с учебой.

Преподаватели.

И комендант общежития, вверенной территорией интересовавшийся слабо.

Пяток старшекурсников, у которых были какие-то свои, непостижимо далекие от моего понимания дела. Главное, что все эти люди по молчаливой договоренности не мешали друг другу жить.

Лето здесь было горячим.

И если в общежитии царила приятная прохлада, то на улице духота стояла конкретная. Трава порыжела, листья кустарников свернулись трубочками. Пахло пылью и еще чем-то на редкость неприятным, но как я ни пыталась установить источник вони, не смогла. Главное, что сумерки не приносили облегчения. Здесь по ночам становилось как-то особенно душно, а неприятный гнилостный запах, так раздражавший меня, проникал и в комнату, мешая спать.

– Тобой Айзек интересовался, – первым, как обычно, заговорил Марек.

– Что?

Вот уж неожиданная новость... в прошлую нашу прогулку, напрочь лишенную флера романтизма, мы говорили о местных расах и их особенностях. В позапрошлую – о мирах, в том числе и моем, еще раньше... В общем, об Айзеке не вспоминали с того самого первого дня.

– У меня в деканате знакомая работает... мамина родственница. – Марек поморщился, стало быть, родственница не только работает, но и приглядывает за милым мальчиком, обо всех мало-мальских проблемах рапортуя матушке.

Да уж, от такой заботы только повеситься.

– Она сказала, что Айзек заходил на прошлой неделе, спрашивал о новенькой... как успехи и вообще... откуда ты взялась.

– От верблюда, – я понимала, что злиться на Марека бессмысленно, поскольку он совершенно точно не виноват, что у кого-то там любопытство заиграло, но...

Проклятье!

Что этому коронованному мажору от меня надо? Настолько надо, что он в деканат не поленился заглянуть? Или...

– Марго, я просто хочу предупредить, что Айзек может казаться милым, если захочет... у них это вроде игры, кто больше девиц в постель уложит, – у Марека глаз дернулся.

Злится.

Все еще злится. Нет, не знаю, я на его месте тоже вряд ли стремилась бы ко всепрощению. Я в принципе идею всепрощения считаю еще той дурью, но...

– Я поняла.

– А за тебя, если что, и род не заступится...

– А за кого заступится?

– Как бы тебе сказать... его перевели не просто так, а пытаясь замять скандал...

– Что, роман неудачный?

– Вроде того...

Ясно, соблазнил не ту девицу, за что и поплатился. Марек пнул камешек и тихо произнес:

– Его пытались заставить... возместить ущерб...

– Каким образом?

Что, плевру зарастить, если она имелась? Или мозгов красавице добавить?

– Не знаю, – вынужден был признаться Марек, останавливаясь у зарослей колючника, которые ночью гляделись особенно грозно. Белые ветви, почти лишенные листвы, и длинные же иглы. – Девушка серьезно пострадала и... вообще...

– Вообще, – на память я не жаловалась, да и знаний о мире за прошедшие недели прибавилось. – По-моему, в академии Ирхат учатся исключительно мужчины...

Что?

Сплетни сплетнями, но не надо уж совсем за рамки выходить, а то сейчас получится, что этот Айзек взглядом одним девиц бесчестит...

Про меня тоже многое болтали благодаря Софочке... интересно, что она придумала? Что я сбежала с любовником? Или утопилась? Скололась, как пропащая моя мамаша? А то и вовсе ушла в порнозвезды... хотя это вряд ли, до этого ее пуританская фантазия не додумается.

Домой бы все одно заглянуть.

Просто убедиться, что дом этот никуда не исчез.

– Ты его защищаешь? – Марек, как следовало ожидать, вспыхнул праведным гневом.

– Я указываю на логические нестыковки.

Я шагнула за кусты, которые хоть и щетинились колючками, на деле оказались не такой уж непреодолимой преградой. Табличек, запрещающих ходить по газонам, я не наблюдала, а что не запрещено...

О правилах, которые я на третий день вызубрила, просто на всякий случай, ибо в собственное везение не слишком верила, про газоны тоже ничего не говорилось.

Марек шел следом.

И молчал так выразительно.

– Я же просила, не втягивай меня в ваши разборки, – я уселась под деревом. Темный ствол его, слегка шершавый на ощупь, приятно пах кофе, причем натуральным. Ветви поднимались, держа сизо-серую массу листвы, которая переплеталась с кроной соседнего дерева, и еще одного... если посмотреть, то получится этакая рыхлая стена на подпорках.

– Айзек опасен.

– Учту.

– И он нацелился на тебя.

– Обломится, – я легла, заложив руки за голову. – У меня совершенно иные жизненные планы...

И ломать их из-за какого-то мажора я не собираюсь.

– У вас так принято?

Марек присел на темный корень.

– Нет.

– Тогда зачем ты это делаешь?

– Что делаю?

– Лежишь. Тут пыльно.

– И спокойно, – я прикрыла глаза, чувствуя, как отступает напряжение последних дней. Меня окутывали тепло и нега, и, если бы не бубнеж Марека, рассказывавшего, как нехорошо валяться на земле, потому что тут грязно и мошки ползают, я бы заснула.

Пусть ползают.

От мошек вреда куда меньше, чем от людей.

Тепло расплзлось по телу. И растворяло ноющую боль в мышцах... а что, физическая подготовка мне тоже полагалась...

И задачи больше не казались нудными.

И систематика как таковая... логично... конструкторы и деструкторы, а там, в зависимости от того, насколько выражен дар, уровни силы... я сама находилась на втором, но с хорошей перспективой роста.

Целители.

Созидатели, которые работают напрямую с мертвой материей и способны изменять ее свойства и саму структуру.

Специалисты по живой материи.

– Ты меня не слышишь, – теперь Марек, кажется, злился, и злость его была очень яркой. Темно-оранжевого цвета, она жила вокруг сердца, окутывая и его облаком, и еще легкие,

и печень тоже...

– Мне хорошо, – ответила я, хотя разговаривать было лень. – Сгинь.

Он нахмурился.

И полыхнул еще сильнее. А и плевать... я закрыла глаза, позволяя силе течь сквозь меня. Силовые линии – это хорошо...

С деструкторами точно так же.

Специалисты по работе с материей, живой и неживой. Правда, как именно они работают, в учебнике не говорится, главное, что их крайне мало, еще меньше, чем конструкторов подобного порядка: какие-то биологические свойства, энергия разрушительна для организма, поэтому процесс обучения опасен.

Отдельные фразы всплывали и гасли, но я знала – теперь я точно все запомню.

И то, что было прочитано один раз.

И даже те сноски крохотными буквами, в которых так любит ковыряться мастер Гиннеша, еще одна моя наставница волей ректората.

Кажется, я все-таки заснула, а когда проснулась, то увидела, что и Марек придремал, прислонившись спиной к стволу. Он выглядел очень уставшим и продолжал злиться даже во сне.

Мне стало его жаль, и, протянув руку, я позвала злость.

Я вытянула ее до капли.

И скатала в шарик.

А шарик сдавила в ладони и велела ему рассыпаться. Я почему-то ни на мгновение не усомнилась, что сделать подобное в моих силах. И когда призрачный пепел вылетел сквозь пальцы, я вздохнула и сказала:

– Вставай...

Ночь на улице.

Глубокая.

А нам еще в общагу возвращаться, благо она на ночь не запиралась.

Глава 8

Королевский маг спал, и сны его были привычно тревожны.

Вязки.

Тяжелы.

Кажется, он снова умер, переживая подаренную иным смерть, и та была на диво реалистична. Сердце и то поверило, остановившись, правда, тот, кто делился памятью, вовсе не желал смерти единственного своего собеседника – пусть беседа шла вовсе не на словах – и подтолкнул его, истощенное.

– Опять ты... – дар речи вернулся к магу не скоро. Несколько минут он просто лежал, глядя в потолок, который за прошедшие годы успел изучить до каждой трещинки. – Когда-нибудь ты меня убьешь.

Когда-нибудь.

Непременно.

Может быть, скоро. Или нет. Люди воспринимают время одномерно, они как бусины на нити дней, не способные соскользнуть. Их даже жаль.

Немного.

– Я тебя не понимаю, – королевский маг с кряхтением перевалился на бок и, дотянувшись до халата, вытер шелковой тряпкой кровавый нос. – Что ты хочешь сказать?

Люди странны.

И не понимают.

Но так хорошо... игра идет. Идет игра. И дверь темницы заперта... люди составляют из слов узоры, называя их стихами. Когда-то он пытался проникнуть в суть, он перебирал эти слова, звонкие, как камни в железном кубке, менял их местами, создавал собственный узор.

Надоело.

– Заговор очередной? – его тюремщик и друг – второе понятие существо понимало плохо, но после долгих размышлений решило, что маги могут считаться друзьями, если они слушают, – шмыгнул носом. – Когда ж они успокоятся?

Никогда.

Это тоже часть игры.

– И кто на сей раз? Не ответишь? Ну да, конечно... так неинтересно, – маг с кряхтением сполз с кровати. Он хромал и постанывал, жалуясь на жизнь и собственное рыхлое тело, на кости, которые ныли, сырость, дворец... И все это было частью древнего ритуала.

Наверное.

Иначе зачем они все его соблюдали.

Он добрался до ручкомойника, открыл кран и просто стоял, смотрел на текущую воду. Зачерпнул горстью, отер лицо, лишь размазав кровь. Все-таки человеческое сознание слишком хрупко, хотя существо старалось действовать аккуратно.

Нынешний маг выгодно отличался от предшественников.

Он желал говорить. И даже пытался что-то сделать, чтобы осознать суть своего пленника. Это забавляло. И существо позволило прикоснуться к собственной памяти, которая, как и время, была многослойна.

Человек в ней терялся.

Путался.

Не понимал, что произошедшие события имеют такое же право на существование, как и произошедшие, что они равноценны и яркие, как и прочие, созданные исключительно забавы ради. Будучи отрезано от внешнего мира, существо давно создало себе внутренний.

Людей это пугало.

– Думаешь, на сей раз получится? – маг вытер лицо и шмыгнул носом. Кровотечение остановилось, но и сон прошел. Сейчас он сядет в низкое кресло, вытянет голые ноги, и камин послушно создаст объемную и плотную иллюзию пламени.

Будет чай.

И разговор.

Монолог. Человек иногда станет задавать вопросы, пытаясь проникнуть в суть увиденного во сне, не понимая, что как таковой сути нет.

Есть картинка.

Есть событие.

А прочее – это так, человеческое сознание, которое норовит запихнуть все в жесткие рамки смысла. Однако и в этой

беседе будет своя толика интереса. А еще...

Существо довольно заурчало.

В отличие от людей оно воспринимало время во всей его полноте. И будущее было таковым, что...

– Радуешься... плохо...

Кому как.

– Клятва держит...

И она крепка. Раньше. Вначале. Существо пыталось избавиться от этого ошейника, само не понимая, как позволило накинуть его себе на шею.

– Вот скажи, чем тебе здесь плохо? Тихо, спокойно... кормят опять же... – маг махнул, пытаясь избавиться от нехорошего ощущения, что он упустил нечто крайне важное.

Докладная давно составлена и передана. И новая появится к утру... и не его дело заговоры раскрывать, на то есть специально обученные люди. А тварь... она порой радовалась совершенно необъяснимым вещам. Порой – будто исчезала, растворяясь в камне... уходила, хотя не могла уйти. И возвращалась, когда приводили очередную...

Еду.

Не стоило думать о тех, кому случилось попасть в подвал, как о людях...

Не получалось.

Жалости они не стоили, и совесть... совесть помолчит... совесть еще тогда согласилась заткнуться, когда он принял посох королевского мага – высокий титул, но кто бы знал,

сколь обременительный. И в последнее время маг все чаще ловил себя на мысли, что пора бы поискать преемника, кого-нибудь молодого и увлеченного, готового рискнуть ради...

Ради чего-нибудь.

Или хотя бы наделенного многочисленной амбициозной родней, которая готова продать чужие силу и душу за королевскую милость. Таких всегда хватало... надо лишь отыскать подходящего паренька, побеседовать пару раз...

И не думать о дурном.

Договор следовало соблюдать.

Существо с последней мыслью согласилось. Договор оно чтило. И не собиралось нарушать, тем паче что сделать это было бы сложновато. Но вот из темницы можно было уйти по-разному...

Время показывало, что у него получится.

Возможно.

Разбудил меня стук в дверь.

Настойчивый такой.

– Чего надо? – терпеть не могу, когда меня будят, особенно столь наглым образом. Да за окном едва рассвет забрезжил, у меня еще час законного сна имеется, а тут кто-то нетерпеливый.

Мастер Витгольц.

Из всех моих преподавателей, в большинстве своем не

скрывавших скептицизма, а то и откровенного презрения по отношению к особе столь малопонятной и соответственно малопривлекательной, мастер Витгольц был похвально равнодушен.

– Недоброго вам утра, – я потеряла босой ступней ногу и с немалым трудом подавила зевок.

– Вы вчера вернулись поздно.

Мастер отстранил меня и вошел в комнату, огляделся. Вытащил из кармана черной куртки нечто, больше всего напоминающее детскую погремушку: пяток разноцветных шаров в связке.

– Это не запрещено, – я села на кровать.

Вопросы задавать бесполезно: не ответит. А вот посмотреть, что он делает, любопытно. Особенно если смотреть правильно. Переключение давалось мне с немалым трудом, не хватало опыта и привычки, а еще всякий раз я сомневалась, что вновь увижу магию...

Силовые потоки.

И остаточные следы магии, которые еще держались в комнате.

Погремушка переливалась всеми оттенками радуги, а вот комната была бледной. Там лиловый ошметок, будто ком ниток забыли... и в углу еще будто паутина.

Под кроватью.

– Не запрещено, – мастер поводил погремушкой и скривился. Потом протянул ее мне и произнес: – Руки.

Я молча вытянула руки, над которыми он колдовал осо-

бенно долго.

– Все-таки что случилось?

Вряд ли моя затянувшаяся прогулка могла стать причиной эдакого... расследования? Он определенно что-то искал, но вот что?

Мастер выругался и погремушку свою убрал.

Окинул меня придирчивым взглядом, от которого, надо полагать, не укрылись ни некоторая помятость, ни стоящие дыбом волосы, ни пижамка в красный горох. А что... зато мягенькая и обошлась в сущие гроши.

– Что вы вчера делали?

Я вздохнула.

– Училась. Потом гуляла...

– Зачем?

– Устала... книги и книги, голова болеть начинала, вот я и решила, что стоит пройтись.

– Сами?

– Марек предложил, – скрывать что-либо я не собиралась, поскольку, во-первых, ничего предосудительного не совершила, а во-вторых, полагаю, все мои перемещения легко установить, браслет я не снимала, а его возможности, скажем так, не до конца ясны.

– Он ваш партнер?

– Что? – этот вопрос, мягко говоря, удивил. – Нет... знакомый, возможно, приятель...

– Возможно?

Сколько скепсиса.

– Я еще не решила. Пока у нас взаимовыгодное сотрудничество. Он помогает мне с учебой. Я рассказываю о своем мире...

– Любопытно.

– Мы гуляли... говорили...

– О чем?

– Большею частью о силовых потоках и всяком таком... потом я нашла удобное место, чтобы полежать.

Удивленно приподнятая бровь. И взгляд на погремушку, и еще большее удивление: кажется, я не ошиблась и ложь эта штука определяет. В том числе ложь.

– И часто вы лежите на земле?

– Вообще-то нечасто, – вынуждена была признать я. – Но тут захотелось вдруг. Место было приятное... то есть не знаю, я просто легла и лежала... восстанавливалась?

А ведь похоже на то...

Силовой поток?

Магов они влекут, что сметана котов, только... почему тогда этот поток ощущался лишь мною? Марек тоже конструктор, он бы почувствовал, а он явно не понимал...

– Подробней, – велел мастер Витгольц, и я подчинилась.

Ощущения свои я описывала... вот как умела, так и описывала, говорила же, что с гуманитарными науками у меня сложные отношения. Он слушал внимательно, перебивать не пытался, а когда я закончила, произнес:

– Вот, значит, как... пробой, похоже...

– Чего пробой? – я поерзала. Любопытство... я себя считала не слишком любопытной, но тут вот было интересно.

– Вам, похоже, и историю университета поучить следует, – мастер убрал-таки свою погремушку. – Он построен на пустоши, искусственной, к слову. Нулевой потенциал позволяет безболезненно существовать большому количеству магов. Однако щиты, его поддерживающие, время от времени дают сбой. Вот и случилась протечка силы, которую вы ощутили... только этого не хватало.

Он вытер руки белоснежным платочком.

– Значит, вы уснули... а ваш... приятель? – он произнес это тоном, не скрывающим насмешки.

– Понятия не имею, – вынуждена была признать я. – Но когда я очнулась, он тоже спал.

– Ясно.

– А все-таки что произошло... если это не тайна?

– Не тайна, – мастер Витгольц поморщился. – Одна из студенток покончила с собой... досадное происшествие, крайне досадное... вы ведь ничего не слышали?

– Не слышала. Не видела... я вообще из комнаты выхожу редко, да и...

Объяснять, что с местными, за исключением Марека, у меня отношения не заладились, было глупо, тем более что местные, если разобраться, не виноваты. Я сама держалась в стороне, понимая, что сил и времени на поддержание отно-

шений с кем бы то ни было у меня не хватит.

Желания обзаводиться подругами тоже не было.

И вообще...

– Что ж, благодарю за содействие, – он коснулся было ручки, но не нажал. – Маргарита, вы производите впечатление благоразумной девушки. И я надеюсь, что если вдруг до вас дойдут слухи... какие бы то ни было слухи, пусть и самой нелепой природы, об этом происшествии, вы поделитесь ими.

– А надо?

Что-то не тянуло меня в разведку играть.

– Надо, – сказал мастер, и я вздохнула:

– Тогда поделюсь.

– Вот и замечательно... а туда больше не ходите. Избыток силы плохо влияет на развитие способностей мага.

Глава 9

Университет гудел.

И как-то вдруг оказалось, что людей в нем не так и мало... вот за столиком собралась пятерка старшекурсников, которые так старательно не обращали внимания на остальных, что становилось очевидно: наблюдают.

Толпа роптала.

Шепталась.

И отголоски шепота доносились до меня:

– ...Так его любила... говорила, что...

– ...А он поиграл и...

– Сволочь, это изначально было ясно...

– Сама дура...

Я ловила обрывки чужих разговоров, выстраивая историю чьей-то великой любви или, как по мне, не менее великой дурачности.

– Слышала уже? – Марек плюхнулся на стул и подвинул мой поднос. – Ты ешь как не в себя.

– А тебе завидно?

Порцию я взяла двойную. А что, готовили здесь отлично, не чета нашей институтской столовой, а голод я испытывала почти постоянно. В умных книгах писали, что это нормально, естественное следствие спонтанного и ускоренного развития энергетической структуры тела, которая до сих пор

спала и не развивалась, чтоб ее.

– Нет... – он задумчиво отщипнул крошку от моей булочки.

Что за манера... терпеть не могу, когда с едой играют, и тем более с моей.

– Руки убрал.

– Ты порой такая...

– Стерва? – я подвинула стакан с компотом поближе к себе, а то с Марека станется пробую снять.

– Вроде того... Лирана умерла, – он ковырнул в тарелке, к счастью, своей.

– Твоя знакомая?

– Учились вместе... она с Айзеком встречалась...

А вот это уже интересно.

Мастер что-то искал в моей комнате, и вряд ли любовную переписку с кем бы то ни было. И эта его просьба... студенты ревниво хранят свои тайны, даже когда эти тайны здорово пахивают уголовщиной. Особенно когда пахивают...

Из-за банального самоубийства он бы не стал из кожи вон лезть.

А вот если самоубийство не первое... и обе – брошенные подружки... нет, тут все куда сложнее, чем мне представлялось.

– Расскажи, – попросила я, не сомневаясь, что Марек молчать не станет. – А то я как-то совсем выпала, и, сам понимаешь, не с моей нагрузкой тусоваться... А она и вправду

сама?

– Сама... – Марек устремил задумчивый взгляд в окно. Не знаю, что он там разглядеть пытался: местные окна были узкими и серыми, то ли исконный это цвет, то ли приобретенный, не знаю, главное, что света они пропускали мало, поддерживая общую атмосферу мрачной заброшенности. – Она была очень эмоциональной девушкой...

Яркой. И красивой.

Ее все любили.

Особенно после смерти. Живого человека можно и не любить, а вот мертвого – уже как-то неприлично, что ли.

Она неплохо училась.

Подавала надежды. У Лираны отлично получалось ладить с неживой материей, а драгоценные камни она вообще чувствовала очень тонко. И пусть не здесь, не в столице, но провинциальные конторы артефактников ее бы с радостью приняли.

Она и не собиралась оставаться.

До недавнего времени.

Тихая домашняя девочка, уверенная, что счастье есть и в Приграничье. Там ведь семья и еще друг детства, за которого Лирана собиралась выйти замуж.

Пока не встретила Айзека.

Нет, она сдалась не сразу, храня верность избраннику... некоторое время, во всяком случае. Но... букеты хрустальных роз...

Коробки из лучшей кондитерской.

Прогулки под луной, однажды закономерно закончившиеся ночевкой в общежитии повышенного уровня комфортности.

Новенькие золотые серьги, естественно, не оставшиеся незамеченными. И счастье, которое, как Лирана верила, будет длиться вечно... А его хватило на две недели, после чего Айзек поднес в подарок браслет с крупными изумрудами, под который толкнул отрететированную речь про нежные чувства и долг перед родиной.

Поцеловал бывшую уже подружку в лоб.

И удалился.

Надо полагать, в закат... в общем, все банально и просто. Лирана рыдала. Писала письма. Дважды пыталась пробраться в общежитие, откуда была выставлена к вящему удовольствию местных сплетниц. И, верно, убедившись, что любовь скончалась в муках, решила последовать за ней.

Нет, ну дурость чистой воды же!

И не представляю, что может заставить человека в здравом уме и твердой памяти добровольно сунуть голову в петлю, как это сделала Лирана.

Петлю, к слову, сделала из шелковой простыни.

Облачилась в белое платье.

Браслет надела.

Сделала прическу... у ног нашли букет засохших роз.

Не самоубийство, а представление какое-то. Я задумчиво

прикусила вилку... интересно, а душещипательное письмо она не оставила? Хотя... нет, не сходится... ей бы тогда яд какой принять, медленного действия, чтобы наверняка спасти успели.

А так – красиво...

Он, осознав, что натворил, несется сломя голову, взывает ко всем богам... видит бездыханное тело и волей Милосердной возвращает ему дыхание. А там целители.

Слезы.

Сопли.

Признания и реанимированная любовь. Точнее, ее подобие, поскольку шантажом любить не заставишь. Нет, будь тут яд, я бы не сомневалась, что девчонка это все придумала, чтобы вернуть Айзека... мажор или нет, но, вполне вероятно, побоялся бы причинить трепетной Лиране новую душевную травму.

А петля...

Петля все меняет. Повешение – слишком уж рискованный вариант... здесь и вправду умереть можно, а самоубийцы-шантажисты к такому не готовы. И значит, все-таки сама?

Тогда почему мне во все это не верится?

С другой стороны, какое мне, если разобраться, до всего этого дело? Вот именно, что никакого... Нет, слухи в исполнении Марека я донесу, ибо просьбы мастеров надобно уважать, а потом выкину эту историю из головы.

Лето здесь держало оборону.

Стало еще жарче, и в темных платящах, приобретенных заботливой леди Амелией, ходить стало невозможно. Джинсы мои окончательно потеряли вид, а майка изначально покупалась в качестве нательной. Делать было нечего, и в какой-то из редких выходных я выбралась-таки в город.

Транспорт здесь имелся.

Огромная, неуклюжая с виду платформа медленно ползла по узкой дороге. На поворотах платформа угрожающе накренилась, и редким пассажирам приходилось цепляться за кожаные петли, закрепленные на столбах.

Стоило это сомнительное удовольствие два эре.

– Назад в седьмом часу пойдем, – сказал седоусый погонщик – водителем его назвать у меня язык не поворачивался. – Не опаздывайте.

Постараюсь.

Я поежилась.

На городской площади было... душно. Полупрозрачное марево колыхалось над каменными плитами, и даже гранитный памятник кому-то весьма героическому выглядел на редкость уныло.

Пыльная зелень.

Темные окна витрин. Сизые дома. Ни красок, ни людей, которые, предполагаю, благоразумно в такую жару сидели по домам. Я бы тоже где-нибудь посидела, но...

Тетради нужны. И запас местных перьев, что с успехом заменяли более привычные мне шариковые ручки, подошел к концу. Присмотреть белье, потому что подобранное ле-ди Амелией было, без сомнений, целомудренно, но зверски неудобно. Еще платьице какое, а лучше шорты и пару-тройку маек, поскольку жара, как просветил Марек, здесь держится до середины желтолиста.

Я поправила рюкзачок и решительным шагом направилась в ближайший переулок. Опыт подсказывал, что чем ближе магазин к центру расположен, тем он дороже и пафосней. А мне бы чего попроще...

В узких улочках было немного прохладней, хотя духота все же царила изрядная. И я понимала тех, кто закрывал ставнями окна: уж лучше без света обойтись, чем такую жару терпеть.

Я шла.

И шла... и довольно-таки долго, не слишком торопилась, позволяя себе если не получить удовольствие от прогулки, то хотя бы оглядеться. Все же давно следовало выйти на разведку.

Пафосный центр и лавки. Белесое стекло и морозные узоры, которые откровенно манили зайти и глотнуть прохлады. Манекены в нарядах вполне обыденных и горы косметики. И кажется, лавка артефактника, во всяком случае, медный ключ на вывеске был мне знаком по учебникам.

А вот и частный целительский кабинет под веткой сереб-

ристого папоротника.

Госпиталь, расположившийся в огромном каменном особняке. Перед ним – пяток машин на стоянке, среди которых я с немалым удивлением обнаружила вполне земной кабриолет. Надо же... и сердце сжалось болезненно. А я и не предполагала, что настолько эмоциональна. Разом вдруг накатила иррациональная тоска, а с ней и слезы, которые я поспешно вытерла рукавом.

Кабриолет стоял.

Блестел на солнышке... сияли хромом детали, алые лакированные крылья пускали блики. И растянувшийся в прыжке ягуар, показалось, вот-вот растечется по капоту серебряною каплей.

Я коснулась его.

И тут же отдернула руку.

Машина не моя, и вряд ли хозяин ее к такому любопытству отнесется с пониманием. Да и... что дальше? Уткнуться в кожаную обивку и оросить ее слезами? Или тихо поскорбеть, в колесо вцепившись? Марго, надо себя в руки взять, ты взрослая адекватная девушка, а потому...

– Надо же, какая встреча! – по ступенькам бодро сбегал Айзек, которого я видеть была вот совсем не рада. – Маргарита? Кажется, тебя так зовут?

– Так, – я убрала руки за спину, пока блондинчику не пришлось в голову обвинить меня в порче имущества, а то мало ли, вдруг у него полировка особо ценная.

– И что такая красавица здесь делает? Одна...

Красавица?

Он или извращенец, или бабник неисправимый... в коричневом платье со школьным белым воротничком, запыленная и пропотевшая, я была, мягко говоря, не слишком привлекательна.

И волосы отрастали неровно.

Прическа давно уже выглядела не стильной, а просто-напросто неаккуратной.

– Гуляю.

Спокойно.

Пока он ничего плохого мне не сделал. Хорошего тоже, но он и не обязан. Айзек подбросил на ладони ключи.

– Знакомая игрушка? – он небрежно похлопал по капоту.

– Из моего мира.

– Землянка, значит? У вас там маги редкость... – в голубых очах мелькнуло вполне искреннее любопытство. – Источники вымерли, вот и развития не получают. А ты, стало быть, исключение?

Я кивнула поддержания беседы ради.

– Бывает, – Айзек крутанул ключи на пальце и предложил: – Подвезти?

– Да нет... не стоит. Я, пожалуй, пойду.

– Боишься?

– Чего? – странный вопрос. Нет, мы на стоянке, конечно, одни, но... госпиталь место такое... да и браслет, если ве-

ритель, не позволит причинить мне вред так, чтобы это не стало достоянием общественности.

– Не знаю... влюбиться до смерти! – и улыбается, холера ясная, так широко.

Зубы у него отличные.

А вот с глазами что-то не то, причем нутром чую, что не то, но что именно – понять не могу.

– Нет. Извини, но это не входит в мои планы.

– А что входит?

И с чего это мы такие любопытные? Или заняться больше нечем?

– У меня свои дела...

Я сделала шаг назад.

– погоди, – Айзек явно не был настроен отпускать меня. – И все-таки... мне действительно нечем заняться. А ты в городе ничего не знаешь... скажи, чего ищешь, и я тебя подвезу.

– Просто так?

В доброту мажоров я не верила еще после нашего выпускного, когда классная звезда Максимушка вдруг проникся ко мне симпатией, а на деле едва не опоил какой-то дрянью.

Потом сказали, что сама виновата.

Чего вообще от дочери наркоманки ждать.

Айзек склонил голову.

И все-таки что-то с ним было неладно, такое вот легкое ощущение неправильности, которое и поймать-то сложно.

– Можно и не просто так... будешь должна услугу.

– Какую?

– Без понятия. В рамках разумного.

– И кто их определит?

– Ты, – спокойно произнес он. – Так что? Ходить по жаре

удовольствия немного, а у меня купол поставить можно...

Чутье предупреждало, что не стоит связываться с Айзек-ком. И не потому, что он опасен, скорее уж с ним опасно... как-то оно... не знаю.

– Хорошо. Но будешь лапы распускать, в нос дам...

Айзек расхохотался.

Глава 10

Местные магазины мало чем от наших отличались, разве что отсутствием платежных терминалов и какой-то общей ленивостью. Казалось, что и хозяевам, и продавцам было совершенно безразлично, совершу я покупку или уйду...

Пара свободных брюк по акции «два по цене одного».

Запас белья – нашлось и вполне приличного вида.

Майки.

Легкий лонгслив на случай, если вдруг все-таки похолодает. И несколько тонких платьев...

– Халат купи, – посоветовал Айзек, когда я вышла с очередными пакетами. – Для лабораторных пригодится. И козынку...

Он со мной не ходил, оставался в машине и ждал, поразив меня и неразговорчивостью, и вообще терпением, нехарактерным для мужчины.

– Заодно попроси набор для целительского практикума для начинающих. Сейчас лето, они по скидке быть должны, а к осени цены вздернут вдвое, – он крутил на пальце ключи. – Еще понадобится малый определитель трав. Запас мешков для хранения сырья...

И короб с пустыми склянками, которые предполагалось заполнять зельями собственного изготовления. В отдельной ячейке лежала стопка этикеток и три палочки сургуча.

Спиртовая горелка.

Хирургический набор, обошедшийся мне в сорок пять серебряных талеров, а это большая часть отцовских денег, которые я отдала скрепя сердце, решив, что лучше уж сейчас отдать сорок пять, чем потом девяносто...

И Айзеку стоило сказать спасибо.

Интересно, почему Марек ничего не сказал ни про халат, ни про рабочие тетради... не принял во внимание, что я здесь чужая и не в курсе некоторых нюансов?

– Спасибо, – я закинула последние пакеты в багажник машины. – До станции довезешь?

– До универа, – он багажник закрыл. – Только сначала перекусим, а то...

Он вдруг замолчал.

И неправильность стала ярче, ощутимей... и, кажется, побелел. А сердце засбоило... Айзек стоял, упираясь обеими руками в багажник машины, дыша открытым ртом и...

– Присядь, – велела я.

А он упрямо мотнул головой. Конечно, герои не сдаются...

– Кого позвать?

Мне еще одного сердечника для полного счастья не хватало. Хотя, чувствую, все куда серьезней, потому что с сердцем местные эскулапы справились бы играючи.

– Никого, – он вымученно улыбнулся. – Все хорошо...

Ага, только его подзнабливает, кажется.

– Садись, – я открыла дверь с пассажирской стороны. –

Я поведу.

– Сумеешь?

– Куда я денусь...

Нет, прав у меня не было, но дядя Леня учил, говорил, что права я при случае и получу, а если и нет, то главное не бумажка, а умения. Правда, полуразвалившийся «москвичок» дяди Лени не шел ни в какое сравнение с Айзековым «Ягуаром»...

Справлюсь.

И доведу этого болезного до больнички, а там пусть сами разбираются, болен он или симулянт несчастный. Хотя в глубине души я знала: болен. И очень серьезно. И злилась, потому что таких вот серьезных к нормальным людям отпускать нельзя. Вдруг окочурится, доказывай потом, что ты не при делах...

– В общагу вези, – Айзек растянулся на сиденье, насколько это было вообще возможно. Все-таки крупноватым он уродился.

– В больницу...

– Услуга...

– А если загнешься?

– Поверь, не сейчас, – он прикрыл глаза. – Это... пройдет... надо подождать, и пройдет... А ты давай прямо и до площади.

Я вставила ключ в замок зажигания и мысленно переkre-

стилась...

Машина вела себя идеально. И я всецело сосредоточилась на дороге. Не хватало еще куда-нибудь въехать и кого-нибудь сбить... Айзек молчал.

Живой был.

Сердце билось уже почти ровно. Да и в целом, я чувствовала, ему стало куда как легче. И все же в больницу бы ему...

Площадь.

И широкий проспект.

Городские окраины, серо-пыльные, расцвеченные редкими белыми пятнами чужих простыней, которые и здесь сушили на балконах.

Дорога.

И поля, тоже какие-то желтоватые, пожженные солнцем. Далекая линия леса. И близкая – стены, отгораживавшей родной университет от внешнего мира. Подъехала я к боковым воротам, которые по случаю выходного дня были широко распахнуты. Машину припарковала здесь же, на университетской стоянке, и лишь тогда повернулась к Айзеку:

– Ты как?

Жить будет.

Порозовел и... в целом выглядел неплохо. Только глаза как-то блестели нехорошо.

– Отлично, – он сел и, прежде чем я успела пискнуть, сгрел меня в охапку. – Ну что, красавица, продолжим знакомство...

Я пыталась вырваться – бесполезно, сил у него было явно больше, чем мозгов. Держали меня мягко, но крепко. И ладно бы просто держали, но нет... тыкались мокрыми губами в щеки, в шею...

– Да отстань ты! – я ткнула кулаком под ребра, а эта скотина лишь заржала.

– Люблю упрямых... не волнуйся, киска, тебе будет хорошо...

– А тебе плохо, – я нащупала что-то тяжелое, чем и приложила Айзека по лбу.

Вот и пригодился малый ритуальный жезл, правда, не совсем чтобы по прямому назначению. Айзек зашипел и разжал-таки пламенные объятия.

– Ах ты... – он добавил пару слов покрепче, явно характеризующих мою личность и вольную манеру поведения.

Я же поспешно выбралась из машины, подхватив рюкзачок.

– Думаешь, кому-то ты здесь нужна? Пиявке своей? Он тебя высосет и забудет, как звали...

– А ты до смерти помнить будешь? Багажник открой...

На мгновенье показалось, что Айзек не отдаст мои покупки. И не потому, что самому нужны, для него это так, мелочовка, упоминания не стоящая, а я почти всю наличку потратила... но нет, щелчок – и крышка багажника медленно поднялась.

Я достала пакеты.

И буркнула:

– Спасибо за помощь...

– Еще встретимся, котеночек мой... – это обещание, произнесенное тоном весьма мрачным, не предвещало ничего хорошего.

И почему он Марека пиявкой называет?

Учеба шла своим чередом.

Остались позади общие науки, глубина постижения которых была сочтена достаточной, сменившись сугубо специализированными. И если с анатомией и основами физиологии у меня проблем не было, то вот все, что касалось магии, давалось с немалым трудом.

– Ваша проблема состоит в том, – мастер Витгольц, который ко мне не то чтобы симпатией проникся – это было бы все-таки несколько чересчур, – скорее перестал воспринимать как досадную помеху, щелкнул пальцами, – что вы до сих пор не воспринимаете магию как часть себя. Это издержки жизни в техногенном мире... вы сами выстраиваете блок. И если в критической ситуации инстинкты берут верх и блок исчезает, то теперь ваш разум запрещает вам обращаться к тому, что полагает априори опасным.

Я вздохнула.

И поерзала.

Нет, лежать на мягком мате было вполне удобно.

Небольшой зал для медитаций располагался в подвале.

Здесь приятно пахло цветами. Журчала водяная стена, навевая покой, было прохладно и уютно. Только расслабиться у меня все равно не получалось.

Я чувствовала себя идиоткой.

Лежу.

Пытаюсь заглянуть внутрь себя, только вместо энергетических потоков воображение рисует этот самый «внутри» во всем его анатомическом великолепии. Вот скелет... позвонки и ребра, грудина с мечевидным отростком... ключицы и лопатки...

Мышцы.

Легкие и печень. Трубка пищевода... желчный пузырь и крохотная загогулина поджелудочной железы. И где среди них искать тот самый чудо-орган, производящий магию?

– Вставайте, – мастеру надоело наблюдать за моими бесплодными попытками. – Попробуем иначе, благо приемный день...

Принимали, как выяснилось, в местном госпитале, который по договору оказывал бесплатную помощь всем страждущим взамен на осознание оными страждущими факта, что помогать станут маги-недоучки. Рисковый, конечно, вариант, но, с другой стороны, не каждый способен заплатить дипломированному целителю, а здесь по-любому наставники проконтролируют, чтобы в процессе излечения не излечилось что-то не то.

Госпиталь располагался в отдельном трехэтажном особ-

нячке, выкрашенном, уж не знаю почему, розовой краской. В результате вид получился несколько гротескный, уж очень контрастировали общие строгие очертания особняка с зефирной мастью его.

А в остальном – местный стандарт.

Широкая лестница.

Статуи.

Пара горгулий с гербовым щитом. Колонны. Мрамор белый, мрамор черный. Полумрак и коридоры... Мастер в них ориентировался отлично, я же старалась не отстать, а потому по сторонам не глазела. Да и смотреть, признаться, было особо не на что.

Портреты.

Портреты и снова портреты. Надо полагать, особо отличившихся на ниве служения народу... ну и короне, тут без короны никак.

Мы поднялись на третий этаж. И мастер, распахнув дверь, велел:

– Проходи и жди. Обустраивайся.

Что ж, здесь матов не было. Пара стульев. Стол. Кушетка. Шкаф, на полках которого выстроились в ряд серые папки весьма характерного вида. И еще один, с десятком предметов непонятного назначения. Вот зачем здесь хрустальный шар? Явно не для гадания... а эта коробка с кристаллами? Синие, зеленые... и еще мелкие красные, похожие на зерна граната.

Трогать я не стала, но любопытство, оно ведь никому не

чуждо?

Еще одна коробка с кольцами, кажется, каменными... и моток серебряной проволоки. И...

– Марго, знакомься, это мастер Варнелия...

Он буквально втянул в кабинет женщину, тонкую и хрупкую, всю какую-то столь воздушную, что, казалось, лишь темно-зеленый халат целителя вообще удерживает ее в этом мире, не позволяя взять и упорхнуть в страну фей. Узкое личико, огромные глаза с поволокой. Волосы серебристые волной на плечах... Целитель? Мастер?

Да ей бы в фотомодели... если здесь, конечно, имеется подобная профессия.

– А это наша девочка, – мастер Витгольц потер руки. – Я хочу, чтобы ты к ней присмотрелась.

Мастер Варнелия вздохнула, но все-таки посмотрела на меня и пожала плечами:

– Дар. Уровень средний с неплохим потенциалом роста... и внешних блоков я не вижу. Погоди, – она сунула мне в руки моток той самой проволоки. – Закройте глаза... дышите ровно, расслабьтесь... видишь, все потоки работают, поэтому проблема внутри... а это не ко мне.

– Дорогая... – голос мастера стал ниже и мягче. – А возьми-ка ты ее к себе... ненадолго.

– С ума сошел? Она даже не студентка...

– Я не прошу допускать ее к лечению... просто небольшой эксперимент, чтобы девочка начала верить в себя. Ты

сама говорила, что целителей мало, а с подобным потенциалом вообще единицы, и будет обидно, если ее не допустят к учебе.

Так, я вычленила из этого мурлыканья, предназначенного не мне, самое важное.

Меня могут не допустить.

Твою ж мать... нет, логически все понятно. Кому нужен целитель, не способный исцелять? И если теорию я могу прямо завтра изложить, то практика...

– Просто посмотри... позволь...

– Тедди...

Вот уж на кого мастер похож не был, так на плюшевого медвежонка.

– В правилах нет ничего про эксперименты... а я буду должен...

– Ты всегда мне должен, – со вздохом произнесла Варнелия.

И я поняла – согласится.

Она так и не научилась ему отказывать. Всем вокруг умеет, а ему вот нет... И он знает об этой ее слабости, а потому с просьбами обращается крайне редко. Ей даже обидно...

Я моргнула, пытаюсь справиться с расшалившейся фантазией. В конце концов, не о чужих романах думать надобно, а о перспективах собственного бытия, ибо, если вылечу из университета, ждет меня... надо, к слову, выяснить, что именно ждет.

Феечка тяжело вздохнула и сказала:

– Идемте...

Глава 11

Шли мы недалеко и недолго и пришли в типичный приемный покой. Во всяком случае, здесь наличествовали кушетка, застеленная болотно-зеленой простыночкой, узкий стол с утварью неясного назначения и некое сооружение из палок и разноцветных стекол.

Пара ярких светильников.

И трое студентов с крайне серьезными лицами.

– Возьмите халат... а ты подожди в коридоре.

Халат, размера на три больший, чем нужно, отыскался во встроенном шкафу. Я торопливо застегнулась и подкатала рукава. Да... видок, подозреваю, у меня не слишком доверие внушает.

А с другой стороны...

Студенты смотрели...

Скептически?

Неодобрительно? Недоумевающе?

– Никрам, будь добр, завяжи Маргарите глаза. Нам не нужно, чтобы зрение ее отвлекало. Эльза, возьми ее за руку... просто держи, легкая дезориентация – это нормально. И все молчат, понятно? Кто раскроет рот, тот получит полную свободу от практики на остаток лета.

Глаза мне завязали на совесть.

И за руку взяли.

Пальцы Эльзы были холодны, а коготки, впившиеся в мою ладонь, явно говорили, что симпатии ко мне не испытывают.

Скрипнула дверь, и в комнате появился еще один человек.

– Усади Марго на стул... вот так, отлично... а теперь подойдите... ближе, не стесняйтесь...

Стул избавил меня от недружеских объятий Эльзы, но в то же время я ощутила себя... потерянной? Нет, разумом я понимала, что способна снять повязку в любой момент, что ничего-то страшного не происходит, однако вся суть моя требовала немедленно прекратить эксперимент.

И вообще...

– Марго, что скажешь об этом человеке? – вкрадчиво поинтересовалась мастер Варнелия, и феечного в ней не осталось ни на грамм... разве что где-то там, в неизведанных мирах, хищные феи обитают.

– А...

Признаваться, что сказать мне нечего, не хотелось. Будь мастер одна, я бы так и поступила, не люблю лгать, но эти трое... их внимательные взгляды я чувствовала шкурой.

И насмешку.

И плохо скрываемое чувство удовлетворения: правильно, они чести работать с мастером добивались долго, а меня просто взяли и за ручку привели...

– А можно, я его хотя бы за руку возьму?

– Его?

– Да, – я сглотнула и попыталась отрешиться от троицы

студентов. Нет их... нет, и все... Если я каким-то непостижимым образом способна ощутить их ко мне отношение, то и с пациентом справлюсь. Должна. – Это мужчина... лет ему... так не скажу, но по физическому состоянию около пятидесяти.

Кто-то фыркнул, значит, не угадала... хотя возраст тела вполне может отличаться от календарного.

Я требовательно протянула руку, и на нее легла мягкая рыхлая ладонь.

– Есть ряд глобальных проблем, проистекающих исключительно от... – я вовремя прикусила язык: думать могу что угодно, но не все мысли стоит озвучивать именно в том виде, в котором они мне в голову забредают. Пациент все-таки... – От неправильного образа жизни... полагаю, он любит поесть и мало двигается. Вследствие возник некоторый избыток массы тела...

И это тело не слишком радовалось приобретению.

– Есть изменения в кровеносных сосудах... активное образование холестериновых бляшек... сужение просвета артерий, вследствие чего давление скачет... сердце работает неудовлетворительно...

Я видела его.

С закрытыми глазами.

Невозможно, но я его действительно видела, и это измученное тело, растянутую кожу и нарушенный кровоток в левой конечности, где вот-вот начнет образовываться трофи-

ческая язва. Пока это лишь крохотное пятнышко на коже, время от времени оно зудит, но и только...

Видела печень и желчный пузырь, проток которого вот-вот забьет камень... и почки не избежали... желудок поточен мелкими язвочками, поскольку еда, к которой пациент привык, не слишком-то полезна. И часто его мучают изжога, отрыжка. Иногда – ноющие боли, которые он привычно глушит стандартным желудочным настоем...

Если бы дал телу отдохнуть, оно бы само справилось.

Пожалуй, кроме той язвочки, которая еще пока совсем кроха, но, кажется, некоторые клетки эпителия уже начали перерождаться и...

– Стоп, – голос мастера вернул меня в мир нормальных людей. – Чудесно... просто-таки чудесно... Эльза, пациент твой... диагностика...

Она говорила, а я трясущейся рукой вытерла пот со лба.

Надо же... все еще жарко... и, кажется, настолько жарко, что меня выкручивать можно.

Что это вообще было?

– Возьмите, – мастер протянула белое полотенце.

Мужчина.

Хотя бы здесь я угадала, да... правда, с виду ему около тридцати, но... тело рыхлое, с характерными складками на руках, и не только. Живот колыхнется при каждом движении. Кожные покровы бледны, над губой – бисерины пота... и на меня смотрит с откровенным ужасом.

– Идите, идите, – мастер взмахнула рукой. – Вам предстоит серьезная работа... право слово, не понимаю, как можно было так себя запустить. Маргарита, как вы себя чувствуете?

– Нормально, – почти не соврала я.

Пить хотелось.

Очень хотелось пить...

– Чудесно... в таком случае не буду больше задерживать. На сегодня вам хватит, а завтра жду вас в половине одиннадцатого. Постарайтесь не опаздывать.

– С-спасибо, – я поднялась, преодолевая слабость.

И до двери дошла.

Тугой оказалась. А коридор – упоительно прохладным, и там, прислонившись к стене, я просто встала и стояла, кажется, целую вечность.

– И как? – из полузабытья меня вывел мастер Витгольц.

– Сказали завтра приходить...

– Чудесно... просто чудесно, – он потер руки. – Что ж, могу поздравить. Что бы ни говорили остальные, вы поступите. Варнелии перечить не посмеют... и это радует, да... но расслабляться не стоит. Всего-то четверть часа, а вы опустошены. Следовательно, что?

– Что? – послушно повторила я вопрос, мечтая оказаться где-нибудь подальше и от госпиталя, и от мастера. В комнате бы своей... лечь и лежать, лежать... можно даже не раздеваться...

– Необходимо уделить особое внимание техникам восста-

новления и контроля... определенно... вот, выпейте, – он протянул крохотный флакон темно-зеленого цвета. – Не бойтесь, не отравитесь...

Я хмыкнула.

Травить меня было вроде бы как некому... и не за что...

– Ваше здоровье, – я отсалютовала флаконом и, выпив содержимое его одним глотком – оказалось оно на редкость ядреного вкуса, – добавила: – Спасибо...

– Не за что... – мастер вздохнул. – Но в любом случае вам придется непросто...

Это я уже поняла.

А с другой стороны, когда мне было просто, а?

И потянулись караваны дней.

Подъем.

И обязательная утренняя пробежка.

Завтрак.

Душ и час для самостоятельной работы...

Госпиталь.

Мастер Варнелия и бесконечная, казалось, череда пациентов... старшекурсники, старательно меня не замечающие, и все-таки я ощущала их неприязнь.

Плевать.

Мне было интересно... когда я решила стать врачом? Когда поняла, что мама уходит, а я не способна остановить ее? Или еще раньше, когда бабушка впервые пожаловалась на

сердце? Или позже, когда я сидела в уголке, наблюдая за хму-
рой пожилой женщиной, которая только и могла, что давле-
ние измерить?

Перебирая склянки с лекарствами?

Вдыхая острый запах корвалола? Наблюдая, как перека-
тываются в пузырьке желтые таблетки валерианы? Сердеч-
никам вредно волноваться, а не волноваться моя бабушка не
умела. И не помогали ей ни корвалол, ни настойка боярыш-
ника, за которой меня регулярно отправляли в аптеку, ни
прочие, как понимаю, копеечные лекарства – большего мы
не могли себе позволить.

Или в больнице?

Больницы меня не пугали. Напротив, именно там, среди
серо-зеленых стен, пропитанных характерной смесью запа-
хов – лекарств и хлорки, – я чувствовала себя спокойно.

Здесь стены пахли травами.

И весь чердак был отдан травникам, которые, как я по-
няла, в этом мире заняли нишу фармацевтов. Меня прове-
ли по их владениям, показав и обширные затененные су-
шильные комнаты, и огромный шкаф-хранилище. Дали по-
держать нарвалий рог, бледно-голубой и какой-то стеклян-
ный, явно неорганической природы.

Ступки и измельчители.

Обсидиановые ножи и медные ложки, а еще каменные и
стеклянные...

Сепаратор, похожий на огромного паука. И целый выво-

док кубов-концентраторов, в которых доходят зелья.

На чердаке работали те, чей дар оказался недостаточно выражен, чтобы стать целителем. И по взглядам, которыми обменялись старшекурсники, было очевидно, что мое место именно здесь.

Всего у мастера Варнелии было трое учеников.

Высокий пегий парень, носивший косы и браслеты с вязками камней. Он разговаривал мало, словно опасался, что однажды слова возьмут и иссякнут. Он двигался медленно, словно в полусне, и время от времени застывал, будто бы погруженный в мысли... наверняка о судьбе мира, не меньше.

Потомственный целитель.

И родители намеревались отправить его в Ирхат, но дар Тобиаса оказался не настолько ярко выражен, что нанесло его самолюбию почти смертельную рану. Именно потому он и пытался доказать всем, особенно мастеру Варнелии, раз уж она тут главная, сколь ошиблись экзаменаторы...

Эльзу ждало семейное дело.

И семья ее жила достаточно долго, чтобы занять подобающее место под солнцем. Ее дар был ярок, а самолюбие безгранично. К нему прилагалась святая уверенность, что мир создан исключительно для тех, чья кровь чиста... полукровок следовало бы выселить.

Куда?

Куда-нибудь подальше, чтобы существованием своим и видом мерзостным они не оскорбляли достойных граждан.

Это Эльза сказала не мне, но так, чтобы я услышала. И вправду надеялась оскорбить? Вывести из равновесия? Забавная домашняя девочка...

Мелисса...

Моя, если подумать, сестра... то есть биологически сестра, а по местным законам – посторонний человек с непосторонней глухой ненавистью. Мелисса скрывала ее, то ли опасаясь, что мастер не потерпит разборок в своем госпитале, то ли просто по привычке прятать более-менее человеческие эмоции, но я ощущала эту ненависть рыхлым черным облаком. Иногда оно было маленьким, с половину кулака, а порой разрасталось, окутывая всю хрупкую фигурку Мелиссы... и тогда ей становилось тяжело дышать.

Я же наблюдала.

И училась.

Каждый день.

Каждый час...

Черная бляха, застывшая напротив сердца, – отсроченное проклятие, уже пустившее свои нити в организм. И они, подобно тончайшим червям, проросли в мышцы, в кости, причиняя пациенту боль, от которой не спасало и белое зелье.

И, лежа на кушетке, парень пытался не стонать...

А мастер Варнелия качала головой и легким прикосновением нейтрализовывала бляху. Она цепляла ее на крючок собственного дара и тянула, медленно... очень медленно... а я смотрела, чтобы в теле не оставалось нитей.

Почему-то видела их только я.

И те лиловые пузырьки, которые, будто шампанское, бурлили в крови молоденькой девушки. Пузырьки наполняли ее счастьем, и девочка смеялась, хватала мастера за руки и твердила, до чего же она счастлива... ведь она любит... любит самого чудесного человека во всех мирах.

И они скоро поженятся.

Да, да... всенепременно поженятся! Прямо сегодня. Ведь она заслуживает право быть счастливой и...

Ее родители вовсе не счастливы. Мать плачет. Отец хмур и то и дело сжимает кулаки... А мастер Варнелия пускает по крови девушки свет, и лиловые пузырьки гаснут. А с ними уходит и счастье...

– Приворот второго ранга. Тобиас, пиши заключение.

Он морщится, поскольку полагает себя выше подобной работы, для которой мастеру бы секретаря нанять. Только зачем секретарь, если есть студенты?

Оскольчатый перелом, и мальчишка, который не плачет. Ему и больно, и страшно, и в то же время он сам себе кажется невероятно взрослым, а потому стискивает зубы...

Укол силы, и рука немеет.

А осколки кости сползаются, чтобы склеиться друг с другом... Мастеру приходится брать в руки инструмент...

Нарушение работы сердечного ритма у младенца, и встревоженная мать, которая боится отпустить ребенка, и воркование мастера, уверяющего, что операция нужна, что без нее

ребенок точно умрет...

Эльза, вынужденная разговаривать с этой женщиной простого сословия и непонятного происхождения, а еще лишенной даже крупиц дара...

Ей бы при операции присутствовать, а то и самой провести. Там ведь ничего сложного, по сути... она подобные случаи изучала.

На бумаге.

И в анатомическом классе сердца вскрывала, пусть свинные, но человеческое ведь очень похоже. И разобралась бы, несомненно, но...

Ожог третьей степени.

Ожоги.

Пожар в Нижнем городе, и пострадавших много... Самых тяжелых оставили в городской больнице, а вот троицу молодых парней, ринувшихся разбирать завал, направили нам.

Они улыбаются.

И пытаются шутить. И не смотрят на собственные руки, местами обгоревшие дочерна... Работы хватает всем. И Тобиас утрачивает обычное свое спокойствие. Его движения по-прежнему скупы, но точны и быстры. Он обезболивает.

И снимает слой обгоревшей кожи.

И еще один... скальпель в его руках что кисть художника, и я душу зависть, зная, что так у меня никогда не получится...

Эльза преодолевает брезгливость. В ее семье не любят

уродств, а ожоги – это уродство. Она осторожна и тщательна, она не только на скальпель полагается, но и на собственное чутье, выбирая остатки мертвой плоти.

Мелисса... ее мутит.

Она пусть и имеет целительский дар, но все же слишком мало работает, чтобы привыкнуть к такому. И всецело сосредоточивается на себе, в кои-то веки позабыв о моем присутствии. Ей это идет на пользу.

Точна.

Неспешна. И сильна... Ее сила – бледно-золотистое сияние, проникающее в кости, замедляющее распад плоти. И я вижу, как постепенно восстанавливается перелом, бледнеют темные сосуды, раскрываются, пропуская напоенную чужой силой кровь.

Мое дело – смотреть.

И говорить, если я вижу что-то не то... да, быть может, позже меня допустят к пациентам, курсе этак на третьем, когда я окончательно смирюсь с тем, что обладаю даром. А пока...

Беременная женщина, которая, смущаясь и розовея, шепчет, что с ним не все в порядке... она понимает, что беременные часто тревожатся по пустякам, но она не такая... и, быть может, стоит посмотреть...

Я смотрю.

Это странно и, честно говоря, жутковато. Жизнь в жизни, соединенные пуповиной, сплетенные живительными по-

токами силы...

Он будет магом, ее сын, причем немалой силы. Вот только и маги не застрахованы от болезней. Ее опасения небеспопеченны, но говорю это не ей, а мастеру. И та кивает.

Женщина остается в госпитале.

Не сомневаюсь, что Варнелия ей поможет, а что нам не позволено присутствовать при операции – прочие недовольны, – это логично. Я вряд ли что-то пойму, а остальные...

Плевать.

Главное, чтобы обошлось...

Из госпиталя я возвращаюсь к обеду. Пара часов работы, но выматывают изрядно. Порой я настолько устаю, что едва доползаю до столовой. Ем... надо есть, и ем... часто – не ощущая вкуса еды, бывает, даже не слишком понимая, что именно ем.

Мастер Витгольц, который непостижимым образом вытеснил всех прочих – полагаю, не слишком они и сопротивлялись, – привычно хмур.

– Это ненормально, – он не выдержал недели через две, когда я просто-напросто уснула во время занятия. И ладно бы медитация, там сам бог велел отдыхать, но мы проходили основные принципы построения классических конструкций. Не сказать, чтобы сложно, и довольно-таки интересно, и я слушала... определенно слушала, вникала, а потом вдруг очнулась на полу. А мастер сидел на корточках и разглядывал меня... как студент лягушку, прикидывая, с чего препода-

рацию начать.

– Простите.

– Как самочувствие? – он наклонился и сдавил ладонями мою голову. – Смотри-ка на лампу...

– Глаза слезятся.

Лампа была яркой и желтой, самое оно для мотыльков. И мошкеры. Той разноцветной, которая вьется перед глазами... и так вьется, и этак... целые водовороты... а еще мастер со своими...

– Дыши глубже... ровнее... вот так... давно это с тобой?

– Что? Бессонница?

– Устаешь давно?

– Давно, – мне хочется с ним соглашаться. И вообще мастер – чудеснейший человек. Со мною вот возится... у него наверняка своих дел множество, а он возится... и в госпиталь пристроил...

– Варнелии говорила?

– Нет.

Ощущения какие-то – розово-зефирные, что ли? А я так давно зефира не ела... я его люблю, и очень. Халву так себе, а вот зефир... пушистый и мягкий, как мамин плед, тот, который в прошлом году на мусорку вынесла. Я его берегла, как умела, даже мамаше не давала, когда она... а она все равно нашла и подожгла. Как же, воспоминания... у всех воспоминания, только под пледом этим я засыпала нормально, а...

– Как ты не заметила? – мастер сердится.

Зря.

Злость, она не то чтобы вовсе не правильна, скорее уж нерациональна. Да и вовсе эмоции – это лишнее... я точно знаю.

– Я к ней не слишком-то и приглядывалась... ты же не в качестве пациента ее привел.

А мастер Варнелия чувствует себя виноватой. Самую малость. Но это тоже глупо.

Я бы сказала, но лень...

– Ничего, пару дней отлежаться, и ограничивающие браслеты поносит, пока каналы окончательно не стабилизируются. Повезло, что не перегорела... я видела, что она устает, но никогда ведь не жалуется.

У мастера сила холодная.

Фисташковое мороженое... Вадик постоянно мороженое покупал, а я его не люблю, вот... не понимаю, и все. Но ела. Еда – это важно, а для удовольствия – зефир.

Обязательно куплю себе.

Пачку или две... или три даже, и съем.

– Маргарита, – меня легонько похлопали по щекам. Приподняли. Прижали к губам горлышко очередного флакона. – Ну же, будьте хорошей девочкой, сделайте глоток...

Это он зря. Я не хочу быть хорошей девочкой... хорошие девочки не умеют за себя постоять. Хорошие девочки влюбляются в неподходящих парней, верят им, рожают детей, а когда вдруг остаются одни, сходят с ума, не смирившись с

предательством.

Я лучше буду плохой.

Плохих обидеть сложнее...

Но пью. От зелья тянет тухлой водой, да и кислое оно настолько, что зубы сводит. Зато почти сразу отступает туман, в котором я плавала. Пол обретает жесткость, а две склонившиеся надо мной фигуры – четкость. Мастер Витгольц подает руку, и я принимаю ее.

– Простите, – голос хриплый, надсаженный. – Я не понимаю, что произошло... я больше не буду спать...

– Спать вы как раз должны, желательно часов двадцать минимум... лучше больше, чтобы организм восстановился. Покажите руки... И в следующий раз, Маргарита, вы должны говорить, если чувствуете себя несколько... не так.

– Я чувствую себя не так с того момента, как здесь оказалась.

– Понимаю... сложности адаптации... ко всему, насколько я знаю, вы выросли в техногенном мире, что накладывает свой отпечаток.

– Ты этого не говорил! – мастер Варнелия топнула ножкой, и мне почудилось, что феечные крылья ее зазвенели от гнева.

– Мне казалось, это очевидно!

– Ты... ладно, потом поговорим.

Прозвучало это... как-то нехорошо, но мастер Витгольц не испугался.

– Помимо всего прочего, не так давно вы подверглись серьезному воздействию... – он молча уставился на меня, а я попыталась вспомнить, где и когда... На ум приходило лишь одно – тот договор на крови. Он ведь едва не стоил мне жизни и, значит, мог считаться серьезным воздействием?

Или нет?

– Я... – я облизала губы. – Я отказалась от рода... исключилась... не знаю, как это называется теперь.

По тому, какими взглядами обменялись мастера, я сделала вывод, что с воздействием угадала.

– И вы выжили? – мастер Варнелия положила ладонь на лоб.

– Как видите...

– Да уж, для покойницы девочка очень даже бодрa.

– Оставь свои шуточки, Тедди... ты же понимаешь, что...

– Ее отпустили...

Кто?

Я его поблагодарю при случае... или... кажется, я знаю, это та рогатая химера, которая прониклась мне сочувствием.

– Но в любом случае вас еще надолго хватило. Как хочешь, Тедди, но я ее забираю... посидит под присмотром недельку-другую...

Нет! Нет у меня в запасе лишних недель, мне учиться надо, иначе...

– Не переживайте, с вашим поступлением я вопрос улажу. От этого обещания стало немного легче.

Все-таки феям не перечат.

Глава 12

Первой, кого я увидела, открыв глаза, была Мелисса. Моя сестра устроилась на стуле у окна, не знаю, долго ли она сидела, надеюсь, прилично, ибо раздражала она меня своим видом.

Оскорбленная невинность.

Прямая спина. Вздернутый подбородок.

Профиль идеальный.

Следовало признать, что Мелиссе от родителей досталось все самое лучшее. Тонкие черты лица матери и отцовские стати. В сочетании со светлыми волосами платинового оттенка и голубыми глазами эффект выходил убойным.

– Чего тебе надо? – поинтересовалась я.

Без особой нужды мы друг с другом не заговаривали. А нужда приключалась редко... я не сомневалась, что Мелисса прекрасно знает, кто я, и это знание, точнее, сам факт моего существования ее несказанно бесит.

Более того, именно сейчас я прекрасно понимала истоки ее ненависти.

Возраста мы были примерно одного. И что это значило? А то, что козлоподобный папенька мой бросил беременную супругу ради моей матушки... знакомый фокус.

И родственной любви не добавляет.

– Вижу, – холодно произнесла Мелисса, – тебе уже намно-

го лучше.

– Ага, – я широко зевнула. – Можешь валить.

– Мастер Варнелия полагает, что тебе необходима компаньонка.

– Не та, которая меня придушить мечтает, – я села.

Голова слегка кружилась, слабость была, но и только.

– Я сдержусь, – пообещала Мелисса, впрочем, без особой уверенности. – Ты должна понимать, что нынешнее твоё состояние...

Она искренне пыталась вести себя профессионально, но не её вина, что получалось плохо.

– Угомонись, – я махнула рукой.

Сидеть получалось.

Стоять тоже.

Я осмотрелась: палата, стало быть... что ж, местные палаты мало от студенческих комнат отличались. Небольшая, не сказать, чтобы уютная, но жить можно. Кровать. Тумбочка. Шкаф и стол... стул опять же, ныне Мелиссой занятый.

– Я тебя ненавижу, – она первой не выдержала.

– Знаю, – я вытянула руки и всецело сосредоточилась на ощущениях. Мышцы немного ныли, как бывает после нагрузки, но обошлось без тремора, что хорошо.

– Я...

– Хотела бы, чтобы я сгнула где-нибудь? – я подняла левую ногу и, закрыв глаза, попыталась сохранить равновесие.

– Да!

– Обойдешься.

Пятнадцать секунд... не слишком хорошо, но и не плохо. Похоже, и вправду дело в некотором перенапряжении.

– Послушай, – не то чтобы мне было дело до эмоций Мелиссы. Сестринской любви я не испытывала, желания броситься на шею и поплакать всласть и подавно, но... мне здесь еще учиться. А Мелисса в универе уже три года как мается. Друзьями обзавелась. Знакомыми. И следовательно, способна изрядно осложнить мне жизнь, что будет совсем уж лишним. – Это ведь не я сюда пришла... меня сюда притащили, к слову, не слишком спрашивая, хочу ли я этого...

Молчит.

И к окну отвернулась, демонстрируя мне затылок и косу. Я присела на кровать и с наслаждением потянулась.

– Но раз уж так вышло, то я не собираюсь упускать свой шанс... от вас мне ничего не надо, ни от мамы твоей...

Мелисса стиснула кулаки.

– Ни от папочки... козел он, а с козла, как известно, удои хреновые...

– Ты... как ты смеешь так...

– Ой, да ладно... слушай, расчески не найдется? Бесит, когда волосы дыбом торчат...

– Ты... – Мелисса вскочила. – Тварь неблагодарная! Да тебя... взяли в дом... а ты... взамен... ты...

– Расческа, – повторила я, пригладив торчащие кудри. Волосы у меня вились не сказать чтобы сильно, но порой это их

свойство доставляло неудобства. – И щетка зубная с пастой. Или здесь имеются свои? А в остальном... о моем существовании не вспоминали двадцать с хвостом лет. И не вспомнили бы, если бы не дар.

Расческой она в меня швырнула, но я поймала и сказала:

– Спасибо... у меня, к слову, своя жизнь имелась. И планы... и вообще я привыкла сама...

Мелисса тяжело дышала. Ноздри точеного ее носика раздувались. Губы побледнели... кулаки сжаты, того и гляди, бросится.

Нехорошо бросаться на больных.

– А что неблагодарная... так за что благодарить? Твоя мамочка меня едва не прикончила. Она ведь знала, чем обряд чреват. И может, рассчитывала, что я, дурочка этакая, скончаюсь... всем бы легче стало...

– Неправда!

– Ну конечно... не стало бы... объясняйся, с похоронами возись... да, тоже кое-какие издержки... но ладно... бабуля моя... то есть наша, конечно... кстати, ты ее не боишься?

– А надо?

– Не знаю... мне вот было бы стремновато чаи распивать с человеком, который тебе мозги перекрыть способен, – расческа была частой, а потому в волосах застревала. Надо бы постричься, но... во что это встанет?

Кроме того, я не видела, чтобы местные девицы со стрижками ходили. Может, конечно, и не запрещено, но не приня-

то.

А мне и без волос найдется чем людей позлить.

– Опоит, как папеньку, и замуж выдаст...

– За кого? – ошеломленно спросила Мелисса.

– А мне почему знать? Найдется за кого...

– Ты... ты говоришь... сама не понимаешь, что говоришь!

– Ой, да ладно тебе...

Отращивать косу не хотелось.

С длинными волосами возни много... мыть, сушить, чесать... да и расход шампуня выше, значит, никакой экономии...

– Можно подумать, ты не знаешь...

– Чего не знаю? – Мелисса выглядела несколько ошарашенной. А ведь... она и вправду может быть не в курсе. К чему посвящать дитяtko в неприглядные семейные тайны?

Сама-то она мало помнит, точнее, не может помнить, каким отец был... я и то уже не уверена, что это память, а не фантазия на тему чудесного папочки.

– Забудь.

Если сами не сказали, то и мне не резон. Вообще помалкивать стоило, но...

– Погоди. – Мелисса отмерла и, схватив меня за руку, сдавила. – Договаривай... или я...

– Что? Побьешь меня ложкой?

– Скажу мастеру Варнелии, что ты – лживая тварь... она не любит клеветников...

– Угу, и верит всем на слово, – я высвободила руку и сказала: – Слушай, оно тебе надо? Не лезь в чужое дерьмо... и сделать ничего не сделаешь, и сама изгваздаешься...

Вот только советы мои нужны были Мелиссе примерно как диабетика шоколадный торт.

– Или ты...

Да уж, а надо было предвидеть, что длинный язык до добра не доводит.

– Садись, – велела я и сама присела. Все-таки слабость еще ощущалась здорово. – И послушай, что ты вообще помнишь из детства?

Она пожала плечами.

Задумалась.

И снова пожала плечами.

– Мы жили... и мама часто плакала... потому что... отец ушел... бабушка говорила, что он вернется... она с нами жила и... она многому меня научила...

Надеюсь, не тому, как правильно варить запрещенные – а теперь я знала, что зелья, влияющие на личность, запрещены, – эликсиры.

– Потом отец вернулся и...

– Семья воссоединилась и стала крепче, счастливей...

По тому, как скривилась Мелисса, я поняла, что со счастьем явные проблемы возникли. Но тут уж сами виноваты...

– А теперь подумай. Да, папаша мой бросил твою маму

и сбежал к моей... – я потянула за прядку. Еще немного, и в хвост собирать можно. – И из того, что я помню, жили мы не сказать чтобы очень богато, но вполне счастливо. Он был другим... веселым... смеялись они много и часто... и строили планы... мы ездили на море и...

Я замолчала, вовремя сообразив, что мои счастливые детские воспоминания будут несколько лишними.

– А в один прекрасный день все изменилось.

Я закрыла глаза.

Время к обеду. Я вернулась из школы... кажется, мы собирались... в цирк? Или в кино? Или просто на прогулку? Главное, что пятница и впереди выходные, а значит, можно побездельничать.

Обед.

И мама, которая порхает по кухне, напевая что-то веселое... гиацинтовый аромат ее духов... то есть я знаю, что гиацинтовый, потому что папа так сказал. А я запомнила.

Мне слово понравилось.

Было в нем что-то невообразимо чудесное.

На маме сиреневое платье с пышной юбкой. Помню тонкий белый поясик. И волосы, уложенные аккуратными локонами... браслет на запястье, с колокольчиками... его папа сделал.

– Ешь хорошо, – мама пытается быть строгой, но ее переполняет счастье, а потому строгости не хватает. И она в по-

рыве чувств целует меня в макушку.

Он открыл дверь своим ключом.

Не стал переобуваться, и это показалось странным, потому что отец всегда снимал туфли в коридоре. У него имелись тапочки, большие, разношенные, клетчатые. Он иногда терял один, и я искала.

И это тоже было игрой.

– Я вынужден сообщить крайне неприятную новость...

Он стал чужим.

Этот мужчина в сером костюме.

Отец ненавидел костюмы и даже на мою линейку приходил в свободных брюках и свитере, утверждая, что эта одежда делает его свободным. А тут вдруг... белая рубашка. Галстук и аккуратный узел... запонки с камнями. Перстень на мизинце.

Меня очаровал черный камень, в котором будто тонули искры...

– Маргарита, иди к себе, – велел он.

И я не посмела перечить. Этому человеку невозможно было возражать, во всяком случае, у хорошей девочки Маргариты не хватило смелости на такое, и она ушла в свою комнату.

Она слышала резкий голос отца, но не могла разобрать слов.

И мамины всхлипы.

Короткий крик... и хлопнувшую дверь... и только тогда

посмела выйти. Мама сидела на полу. Она была бледной и погасшей и казалась совершенно больной. На меня лишь взглянула, сказав:

– Не надо было ему туда ходить... не надо... это все они виноваты, я знаю...

Правда, не объяснила, кто и в чем, но... какая разница?

– И что? – Мелисса хмурилась. И злилась.

И кажется, готова была вцепиться мне в волосы. Я бы и сама кого-нибудь с удовольствием прибила бы, но... больным драться не положено.

– Ничего... просто когда человек сволочь, то это, как правило, как-то да проявляется. Не бывает такого, чтобы десять лет он был ангелом, а потом раз – и в скотину превратился. Мы ведь нормально жили... даже хорошо... ни ссор, ни конфликтов. Я не помню, чтобы он когда-то на маму голос повысил, да и она... Бабушка моя, которая нормальная бабушка, говорила, что мама от любви разум потеряла.

Плакать давно уже не хотелось.

Вся эта история произошла будто и не со мной даже. То есть так легче, если думать, что не со мной.

– А потом в один день он вдруг изменился.

– И ты думаешь, что его опоили?

– Я почти уверена, – я скрестила ноги по-турецки. – Твоя мамочка и твоя бабуля слишком уж разболтались... думаю, папочка явился потребовать развода. И думаю, что не в пер-

вый раз... и твоя мать дала бы... но вот бабуле развод их был невыгоден. Деньги-то ваши... в смысле твоей матери. Вот и придумала... альтернативный вариант.

– Невозможно... – вот только убежденности в голосе Мелиссы не было. – Это... это ведь... незаконно! И вообще... ты... ты лжешь.

– Ага... если тебе так легче думать. Но... – я почесала кончик носа. – Поговори с матерью. Думаю, тебе она врать не станет...

Мелисса разжала кулаки.

– Что, вот так подойти и спросить: «Мама, не ты ли папу опоила?»

– Как вариант, – я потянулась, с каждой минутой есть хотелось все сильнее. – Но я бы рекомендовала иначе: подходишь, делаешь большие глаза и говоришь, мол, я все знаю! Как вы могли и...

Глава 13

Мастер Варнелия руку убрала и отступила от двери, потянув за собой Теодора, который, как и большинство мужчин, был, конечно, надежен, но напрочь обделен чувством такта. Ей пришлось прижать палец к губам, чтобы он, не приведите боги, не сказал что-нибудь лишнее.

– Да хватит уже! – Тедди посмотрел с укоризной. – Тоже мне... только не говори, что ты в это дело полезешь...

Варнелия дернула плечиком.

Нет, история, если подумать, не слишком красивая и местами совершенно незаконная, но она целитель, а не страж порядка... и как целителя ее скорее беспокоит нынешнее состояние пациента.

Пациентов.

Она взяла Тедди под руку, и тот мученически вздохнул.

– Думаешь, это правда? – Варнелия умела быть милой и даже научилась показывать, насколько безразлична ей тема разговора, вот только в отличие от прочих Витгольц слишком хорошо ее изучил.

– Не лезь, а? – взмолился он. – Если там хотя бы часть правда, то старуха всех похоронит, но не позволит случиться скандалу.

Варнелия вздохнула.

И взмахнула ресницами. И они задрожали, мелко и ча-

сто...

– Нелли, ну пожалуйста...

– Мне просто интересно... она ведь не лгала, ты знаешь.

– Это еще не значит, что все было именно так. – Витгольд всегда отличался поразительным упрямством. – Девочка сочинила историю и в нее поверила... хотя... я все не мог понять, кого она мне напоминает... мы учились вместе. Не сказать, чтобы приятелями были, все-таки он – белая кость, а я так... ошибка природы...

Варнелия погладила друга по плечу.

Столько времени прошло, а он еще носится со старыми обидами.

– Но по сравнению с остальными он не был засранцем, никогда не пакостил специально. Как-то даже помог... просто так... в целом довольно сильный маг. Конструктор. Дар выражен ярко... у него отлично получалось работать с неживой материей, особенно с камнями. Как никто другой ощущал структуру их, потоки... ему прочили карьеру артефактора.

Они вышли в сад.

Пыльные деревья, жухлая трава... магия и та не способна была вдохнуть жизнь в это творение рук человеческих. И мастер Варнелия с горечью коснулась резного листа...

Ее сил не хватит на всех.

А воду могли бы и подвести, зная, насколько жаркое лето... и надо будет написать очередное прошение, потому как без прошений здесь ничего не делается... и пригрозить...

чем?

Например, уходом в королевский госпиталь.

В конце концов, ей сад нужен для восстановления душевных сил, и нормальный, а не это...

– Его даже приглашали в «Манс и сыновья», – Тедди приподнял тяжелую ветвь падуба, чьи листья мелко дрожали, выказывая обиду на солнце, сухость и людей, заглядывавших сюда так редко.

– Не сложилось?

– Вроде того... его матушка была против... как же, потомок такого знатного рода... родственник короля, и будет трудиться в мастерской, как простой смертный?

Витгольц фыркнул и подал руку, помогая перебраться через нагромождение камней, а потом снял пиджак и бросил на траву, проворчав:

– Хотя бы на землю не садись...

Ему до сих пор было непонятно это ее стремление коснуться живого, но, пусть и не понимая, он не пытался ее изменить. И за это Варнелия была ему благодарна.

– Она нашла подходящую невесту, весьма состоятельную, единственную дочь Бельго Хопштейна. Конечно, род не такой древний, зато за отцом – миллионы, если не миллиарды... Свадьба состоялась, а потом Берт просто исчез...

Он присел рядом, облюбовав плоский широкий камень, вершина которого уходила глубоко в землю. И камень этот чем-то напоминал Варнелии сточенный зуб, последний,

оставшийся у мира...

– Я не то чтобы за ним следил, все же не моего полета птица, но... слухи – дело такое... поговаривали, будто он развестись хотел, свое дело открыл. А потом я вдруг его в городе встретил. И даже не узнал сперва... весь такой... заледеневший. Мне кивнул и мимо проплыл с супругой под ручку... да...

Тедди скрестил ноги и сторбился, застыл, задумавшись. Заговорил он через несколько минут:

– Знаешь, он ведь действительно увлечен был делом, а потом вдруг... так что вполне возможно, что и права девочка, только... если так... сколько от него, прошлого, осталось? Если вообще осталось?

Вот это, говоря по правде, и было интересно.

Воздействие было долгим, если не сказать – сверхдолгим. Варнелии и читать-то не доводилось про подобные эксперименты... а вот взяться, попробовать очистить, восстановить личность, если, конечно, она в принципе подлежит восстановлению, но... теоретически.

Исключительно теоретически...

Для начала неплохо было бы получить образцы, скажем, волос. По волосам многое можно выяснить. К примеру, узнать, какой дрянью его опоили... вариантов не так много, и...

– Скажи, – она провела пальчиком по ладони Тедди. – Тебе ведь пришло приглашение на бал Ирисов?

Он закатил глаза.

– Пара волосков... мне всего-то пара волосков нужна... интересно же!

Тедди вздохнул.

Парой волосков дело точно не ограничится.

Браслеты на меня надела мастер Варнелия лично. Тонкие. Звонкие. И легкие. Они защелкнулись беззвучно, отрезая от меня мою магию, но никаких особых ощущений я не испытала.

– Недельку поносишь, а там посмотрим, – мастер заглянула в глаза, заставила рот открыть и смотрела долго, будто зубы пересчитывала.

Измерила пульс.

И кровь взяла, наполнив ею пробирку.

В общем-то ничего нового.

– Может, домой отпустите? – в госпитале было неплохо, однако не покидало ощущение пустоты.

Заняться здесь было совершенно нечем.

Учеба?

Нельзя переутомляться.

Помощь в госпитале? Пациентам не положено, и вообще, мне действительно нельзя переутомляться.

Прогулки... сутки не погуляешь. А лежать, разглядывая потолок, я не умела. Точнее, пробовала, но в голову начинали лезть всякие мысли не самого приятного толка... вспо-

минался вдруг дом.

И мама.

И соседи... и однокурсники мои... работа... пациенты, которые давно уже нашли другую медсестру. Небось она не забывает о визитах и вообще вся замечательная... она найдет подход к Аристократу, славившемуся дурным своим нравом. И будет чесать за ухом ласковую Шоколадку. Она будет делать уколы аккуратно и чистить уши так, что... никто обо мне не вспомнит. А если вдруг, то с неудовольствием, мол, ушла и не попрощалась...

Почему вдруг это стало важным?

И когда стало?

Не знаю.

– Отдыхай, – мастер была непреклонна. – Завтра отпущу при условии, что не станешь усердствовать в учебе... никуда она от тебя не денется.

Она ушла.

А я осталась. Села на подоконник, благо здешние были достаточно широки, прижалась лбом к стеклу... Тоска... Мелисса больше не показывается, а хоть какое-то да развлечение было, и Марек не заходит, тоже мне, приятель. Нет, я понимаю, что он вовсе не обязан, что... у нас с ним взаимовыгодное сотрудничество, и только, но мог бы приличия ради и навестить.

Он, если подумать, давно уже потерялся, пожалуй, после той смерти, о которой я забыла, как и о самом Мареке. Как-

то вот в моей жизни снова не хватило места для других.

Окна выходили в сад.

Он, начинаясь за госпиталем, тянулся узкой полосой вдоль стены и был, признаться, несколько заброшен. За последние дни я успела изучить его изрядно, отчасти надеясь найти то самое, особое место, которое позволило мне быстро восстановиться в прошлый раз. Но сад был на редкость равнодушен.

Сумрачен.

И... все равно заняться нечем, а там всяко интересней, чем в госпитале.

Здесь не пахло ни травой, ни цветами. Огромные деревья с бархатистой корой, весьма ценной в качестве лекарственного сырья. Их кроны смыкались плотно, защищая сад от злых солнечных лучей. И под щитом этим расплзлся тяжелый влажный плющ. Плетки его свисали с ветвей, достигали земли, чтобы вновь вскарабкаться, но уже по хлыстам кустарника.

В пыльной траве посверкивал огнецвет. То тут, то там виднелись белые россыпи звездчатки, растения по сути своей на редкость бесполезного...

Я, оглядевшись – мало ли, вдруг да по деревьям лазить не принято, – уцепилась за низкую толстую ветвь дуба. Плющ выдерживает, и меня выдержит.

Лазить по деревьям я умела с детства, еще отец...

А может, все-таки сообщить куда надо?

Пусть проведут дознание.

Установят... что-нибудь да установят... накажут виновных, а потом... что потом? Вернут папаше сознание? Сомневаюсь... я пока знаю не слишком много, но подозреваю, что зелья эти сродни наркотику. Не так-то просто с них соскочить. А он пил годами... и вообще сомнительно, что от прежней личности что-то да осталось, а если и осталось, то...

Прозреет.

Осознает, ринется спасать маму и обнаружит... то, что обнаружит... А она? В наркотических снах своих она вполне себе счастлива. И сумеет ли отказаться от них? Ради меня не сумела, а ради него?

Обидно...

И бессмысленно напрочь. Это расследование, если случится оно, ничего-то не изменит. Не исчезнут обиды, и годы прожитые не сотрешь, а значит, всем будет по меньшей мере неудобно.

Неприятно.

И вообще... может, маменька от таких переживаний остатки разума утратит, а я... что я буду делать, обзаведшись внезапно любящими родителями? Нет уж... пусть это глубоко эгоистично с моей стороны, но... свою жизнь они прожили.

Теперь моя очередь.

Я забралась довольно высоко и, устроившись в развилке ветвей, прикрыла глаза. Уснуть и упасть я не боялась, опыт

имелся.

Было почти прохладно.

И приятно пахло сосновой смолой, еще, кажется, огуречным рассолом. И этот аромат, пусть несколько странный, умиротворял...

– Ты... ты не можешь вот так со мной! – девичий звонкий голос прервал мои вялые мечтания о светлом будущем.

– Почему?

Айзек, чтоб ему... не мог найти для расставания другого места? Нет бы повести девушку в ресторан, чтобы свечи, розы, музыка, вино и проникновенная речь... он ведь не раз произносил их.

Или оскомину набил?

– Я тебя люблю!

Убежденности, прозвучавшей в этом голосе, я позавидовала.

– Эрика, мы это уже выясняли, – Айзек говорил спокойно. – Я ведь не обещал тебе любви и жениться не обещал...

– Но ты должен!

Вот дура...

Я перевернулась и, свесившись вниз, попыталась разглядеть эту красавицу. А ведь и вправду красавица. Тонкая, звонкая, с гривой медно-рыжих волос.

И грива выглядит ухоженной...

– Я ради тебя Олафа бросила!

– Ты его бросила не ради меня, а ради себя, – Айзек при-

сел на корень и прислонился спиной к стволу. – И помнится, не слишком по этому поводу переживала.

Красавица в зеленом легком платье упала на колени и протянула руки... Актриса.

– Нам ведь было так хорошо... ты и я... мы созданы друг для друга.

– Исключительно в твоём воображении.

– Но что скажут мои родители...

Всхлип.

И заломленные руки. И ощущение фальши, которое не позволяло поверить в эту трагедию.

– Послушай, – Айзек закатил очи вверх и встретился со мной взглядом. Вздрогнул. Я улыбнулась и дружелюбно помахала рукой. Угрызений совести я не испытывала: в конце концов, это он сюда приперся, нарушил дрему и покой, столь исключительно мне полезные. – Я ведь говорил тебе, что связан обязательствами, так?

Рыжая кивнула, и как показалось, неохотно.

– И говорил, что не способен испытывать глубокие эмоции...

А это что-то новенькое.

– Я... я подумала, что смогу... разбудить в тебе...

Ага, спасти несчастного, обойденного чудом любви. Растопить поцелуем ледяное сердце и разбудить бурю страсти... Моя сменщица обожала любовные романы, и порой, когда становилось совсем уж тоскливо, я перелистывала яркие то-

мики.

Они были веселыми в своей нелепости.

– Попытка не удалась.

– Это потому, что ты не старался, – рыженькая топнула ногой. – Айзек, дай нам шанс... вот увидишь, со мной тебе будет лучше, чем с этой ледяной выдрой... Это она, я уверена! Она что-то с тобой сделала!

Новая идея всецело завладела ее разумом.

– Идем, – она вцепилась в его руку и дернула, но Айзек не пошевелился. – Идем же! Госпиталь рядом, и мастер проверит...

– Сегодня меня уже проверяли. И вчера. И позавчера... и за день до того. Что? Эрика, я же говорил, что на особом положении, поэтому проверяют каждый день. Я чист. И я действительно тебя не люблю. И никогда не любил. Ты симпатичная девочка, с тобой приятно было провести время. Как и тебе со мной. Скажи, чего ты хочешь, и прекрати эту истерику.

– Сволочь!

– Еще какая, – вполне миролюбиво согласился Айзек. – А еще тварь, скотина и так далее... Эрика, зайка моя, хватит уже, я действительно устал. Любви у тебя нет, ни ко мне, ни к Олафу. Ты ищешь партию получше, и это я могу понять. Как и похвальное стремление обзавестись полезными знакомствами. Поэтому советую остыть и подумать... Ты можешь, конечно, и дальше истерить, но добьешься лишь того,

что станешь неудобной персоной и вряд ли кто рискнет с тобой связаться.

А рыженькая губку прикусила.

И вид у нее... вот теперь ей отчаянно хотелось надавать Айзеку пощечин. Или еще что похуже сделать...

– А можем разойтись миром и остаться друзьями. Иметь меня в друзьях очень полезно для будущей карьеры. Ты ведь умная девочка, ты не собираешься выскочить замуж и осесть в каком-нибудь богами забытом имении, играя в баронессу. Ты способна на большее... стать подмастерьем, а там и мастером... получить работу, независимость...

Даже я с ветки свесилась, чтобы расслышать получше. Умеет же уговаривать, засранец этакий. Рыженькая похлопывала ладошкой по своей руке, но перечить не пыталась.

И думала.

Определенно думала... просчитывала варианты. Полагаю, на изначальном, в котором она счастливо выходила замуж за племянника короля и показывала фиги всем завистникам, Эрика поставила жирный крест, а вот тот, который озвучивался теперь, нашел в ее душе отклик.

– Знаешь, а меня ведь предупреждали, что ты засранец редкостный, – вздохнула она. – Ну ладно... с тебя помощь. Только, чур, реальная, а не это словоплетство...

Айзек рассмеялся.

– Вот теперь я тебя узнаю... и чего хочешь?

– Место в приличной фирме... сам знаешь, у меня послед-

ний год, а предложений... – Эрика поморщилась. – Без протекции в столице...

– Будет тебе протекция... и заказ... У тебя браслеты получаются удивительной красоты... я как раз матушке подарок подыскиваю. Возьмешься?

– С клеймом или без?

– А право есть?

Эрика дернула плечиком и презрительно заметила:

– За кого ты меня принимаешь! Конечно, есть... и в рэзюме оставлю.

– Договорились...

– Свойства? Металл... лучше возьми лунное серебро... сейчас все помешались на золоте и платине, но как по мне...

– На твой выбор. А свойства...

Дальнейший разговор был малоинтересен, все-таки я пока не так уж хорошо понимала, чем первый уровень защиты отличается от второго и как настроить потоки, если... Сверху я видела две макушки, и со стороны они казались вполне милой парочкой.

Поссорились.

Помирились... с кем не бывает.

А потом рыженькая ушла, и Айзек предложил:

– Спускайся.

– Зачем? – памятуя о последней нашей встрече, спускаться я не хотела. Вообще приближаться к этому типу не хотела.

– Поговорим.

– И так неплохо говорится, – я обняла ветку и прижалась к ней щекой. – И вообще я спать собиралась, а тут вы со своей любовью...

– На дереве?

– У всех свои привычки... Так зачем девушку обидел? Мне показалось, она вполне вменяема. Надоела?

– Не только, – Айзек пересел так, чтобы видеть меня. – Две недели – это незначительное увлечение, а вот если дольше, ею займется служба безопасности...

– А так не занималась?

Слабо верится.

– Не настолько плотно, – он усмехнулся, демонстрируя ровные белые зубы. – Да и не в ней проблема... слухи поползут... одно дело, когда девочка – незначительный эпизод в череде прочих, и совсем другое, если вдруг кому-то покажется, что я уделяю ей слишком уж много внимания. Моя невеста может действительно расстроиться.

– А сейчас, значит, не расстраивается?

– Мы относимся с пониманием к слабостям друг друга...

Ага, высокие отношения, которых мне никогда не понять. Айзек же похлопал по земле и повторил:

– Слезай.

– Это еще зачем? – слезать мне совершенно не хотелось. Более того, подумалось, что надо было в госпитале оставаться. А что, там тихо, спокойно... нет, потянуло на свободу. И что, если этот типчик, привыкший ко вседозволенности,

решил, что ему самое время новую подружку искать?

И тест-драйв на травке провести?

– Да ладно, не трону... ты забавная.

– Чем это?

Спускаться я все же не стала. Обещания обещаниями, но здравый смысл настоятельно рекомендовал держаться по-дальше или, в данном конкретном случае, повыше.

– Обычно девочки, наоборот, стремятся познакомиться поближе... а ты бегаешь... друзья не нужны?

– А ты всех друзей через постель вербуешь?

– Злая...

– Добрым выжить тяжелее...

– Не без того... вижу, браслетики нацепили. Что случилось?

Он не пытался изображать сочувствие, а ленивое любопытство Айзека выглядело достаточно спокойно и безопасно, именно потому я ответила:

– Что-то не то с каналами... мастер говорит, что нужно время, чтобы они раскрылись и стабилизировались, а пока опасно...

Он кивнул и почесал запястье. А потом сказал:

– Ну... если ты не против, я пойду, что ли...

– Иди.

И вправду ушел. А я до самого вечера на дереве просидела, почему-то слезать не хотелось совершенно, а разговор, которому я была свидетельницей, не выходил из головы.

На следующее утро я удостоилась подзатыльника – рука у мастера Варнелии оказалась не по-феевски тяжелой – и короткой отповеди:

– Еще раз сбежать вздумаешь, выгоню.

– Простите, – я потупилась, понимая, что изобразить должное раскаяние не сумею. – Я просто... там хорошо было... в саду, вот и потеряла счет времени. Больше не повторится.

– Уж постарайся, – мастер странным образом потеплела и, взмахнув рукой, сказала: – А теперь иди. На вечерний осмотр чтобы явилась, и никакой магии, слышишь? Даже не пытайся пробовать...

Ага, можно подумать, тут я только и делаю, что магичу без присмотра. Я вообще не уверена, что способна на что-то, кроме диагностики.

Глава 14

В комнате было пыльно и пусто. Само собой, не нашлось ни записок с пожеланиями скорейшего выздоровления, ни открыток. Тетради стопкой. Учебники – другой... Я завалилась на кровать и открыла позабытую «Контурную диагностику». Может, конечно, магичить и нельзя, но вот пару глав прочитать не повредит.

Следующие несколько дней прошли обычно.

Я много читала, еще больше – гуляла, стараясь на всякий случай держаться подальше от людей. Вот и получилось, что именно я нашла Эрику...

С утра случился дождь. Вернее, он начался еще ночью, и я сквозь сон слышала, как тарабанят капли по жестяному подоконнику. К рассвету дождь поредел, превратившись в этакую мерзковатую и холодную морось. Даже не верилось, что еще недавно я страдала от жары.

Холод и сырость проникли в комнату.

Пропитали и постель, и одежду. Страницы книг и те будто бы разбухли. Выползть из-под одеяла не хотелось совершенно. В столовую я добиралась бегом, перепрыгивая через лужи, и все равно умудрилась промокнуть. Тетушка Норва, с которой я успела свести короткое знакомство, лишь покачала головой.

– Ты бы одежду прикупила, девонька, а то сезон начина-

ется... – сказала она жалостливо.

Сезон, стало быть... нет, теоретически я учила что-то такое про местный климат и даже зачет сдать удосужилась. Но одно дело – читать, что три четверти года здесь влажность повышена и порой уровень осадков достигает пятисот миллиметров в месяц, и совсем другое – ощутить эту вот влажность на собственной шкуре.

– Спасибо.

Куртенка у меня имеется, но вот подсказывает чутье, что одной ее не хватит. Следовательно, придется-таки в банк заглянуть, тронуть счет...

Перспектива близкого расставания с некоторой, пока еще неизвестной суммой денег наполнила мое сердце печалью, которую был не способен скрасить и кусок шоколадного пирога.

В столовой было привычно малоллюдно.

И тепло.

Я сидела долго и потому, оказавшись на улице, удивилась: дождь прекратился. Выглянуло солнце, плеснув света в лужи, словно пообещав избавить от них... подумаешь, дождь.

Случается.

Зато трава отмылась. И оказалась она не просто зеленой, а того глубокого насыщенного оттенка, который бывает у дорогого малахита. Я даже потрогала, а вдруг она и вправду окаменела? Но нет, трава была влажной и мягкой, острые стебельки царапали ладонь.

Свежесть.

И тепло.

И от мрачного моего настроения не осталось и следа. Я решительно ступила на газон. Кроссовки промокнули? Плевать, высушу. Мне хотелось и петь, и танцевать, и кружиться... наверное, это не было нормально, и слабый голос разума нашептывал, что со всем этим надо бы показаться целителю, но...

Потом.

Позже.

Обязательно и всенепременно. А сейчас я стянула обувь и носки. Трава приятно щекотала ступни, и кажется, я рассмеялась... а потом побежала.

Так бегают в детстве, не из желания скорее добраться до цели, но ради самого бега, упоительного движения. Быстро и еще быстрее. Хватая воздух ртом, захлебываясь им и не останавливаясь, пока есть силы. Они иссякли как-то и вдруг, и я упала на траву... лежала.

Долго?

Не знаю, главное, что лежать было так же хорошо, как и бегать. И вообще, давно уже я не ощущала себя настолько безоглядно счастливой. А потому понятия не имею, как я оказалась у пруда. До этого я и не подозревала, что на территории университета пруд имеется.

Он был.

Круглый и неглубокий с виду, слегка заросший ряской и

кубышками, желтые цветы которых лежали на воде. Черная, она дразнила глянцевым блеском стрекоз. Цеплялась корнями за черную жижу прибрежной земли ива. И перекрученный ствол ее изгибался, вытягивался над водой, и зеленая грива касалась зеркальной поверхности.

Красиво.

И тихо. И меня отпустило именно там, на берегу. Я сидела, грызла травинку и наблюдала за стрекозами. А когда встала, то увидела что-то белое... большое такое и белое... и цвет показался совершенно чуждым замечательному этому месту.

Пожалуй, именно тогда я поняла, что произошло что-то нехорошее.

Не было ни холодка по позвоночнику, ни дурного предчувствия, просто осознание – случилась беда.

Уже потом я разглядела, что белое – это то ли платье, то ли рубашка ночная. Намокшая, полупрозрачная, она облепила тело. И Эрика выглядела до откровенного неприлично.

Она лежала лицом вниз.

И... рыжие волосы... мокрые, слипшиеся и утратившие тот особый медный оттенок... да и мало ли рыжеволосых в округе? Я знала лишь одну...

Надо было кричать.

Звать на помощь.

А я подошла. Ноги проваливались – берег после дождя окончательно размыло, и темная жижа хлопала под ногами,

но я все равно шла. И коснулась руки в надежде услышать хоть каплю жизни.

Ничего.

Рука была холодной и скользкой.

Почему-то бросились в глаза скрюченные пальцы, будто она пыталась схватиться за что-то, но... ноготь обломан...

Я перевернула ее и отерла лицо от грязи.

Широко раскрытые глаза. Grimаса ужаса. Рот раззявлен и забит волосами... и она больше не была красивой, эта девушка.

И не была живой.

Я пыталась. Я позабыла про то, что не могу пользоваться магией, что... я просто звала, звала... и в какой-то момент тело ее дернулось, вытянулось и забилось в агонии. Она закашлялась, выплевывая поток воды и грязи, а потом, поднявшись, попыталась дотянуться до меня. В по-прежнему неживом, хотя ожившем лице не было ничего человеческого... и тогда, кажется, я испугалась.

По-настоящему.

Тонкие пальцы вцепились в руку.

И это было больно. Кажется, кости затрещали, а из горла Эрики донеслось сипение, и губы шевелились, шевелились... Она медленно подтягивала меня к себе, к воде, которая по-прежнему блестела и с удовольствием приняла бы в ласковые объятия свои еще одну жертву.

Я пыталась вырваться.

Отцепить пальцы.

И упиралась... и все равно ехала – берег был рыхлым и скользким. И все могло бы закончиться иначе, если бы...

Вспышка.

И свежий запах грозы... и кажется, стрекозы поднялись гудящим роем. Их стало вдруг слишком много сразу... или они существовали лишь в моей голове? Крик застрял в горле, а лицо мертвой Эрики оказалось перед моим. И губы сложились в улыбке.

И я услышала хриплое:

– Ай... зек...

Айзек.

Хренов Айзек... он-то здесь каким боком? Я успела это подумать, прежде чем самым бестолковым образом лишиться чувств.

Сознание ушло.

А вернулось уже в госпитале: эти серо-зеленые, словно пылью припорошенные стены ни с чем не спутаешь. Я лежала... просто лежала и глядела в потолок. Сил не было совсем. Собственное тело ощущалось как пустой сосуд, в котором по недоразумению задержалась душа.

Тело помнило, как дышать.

Но и только.

Я моргнула.

И снова... и потом пришла боль. Кости крутило, кожа горела. Мышцы, кажется, свело судорогой, и так, что еще

немного – и кости треснут... При столбняке подобное бывает, я читала – мышечные спазмы настолько сильны, что кости ломаются.

А у меня столбняк?

От мертвеца заразилась?

Мертвое не способно двигаться... это неправильно, что оно... или она... мертвые лежат себе спокойно, в воде ли, на прозекторском столе, в гробу... Главное, им все равно, что происходит с телом. А эта... эта взяла и схватила меня.

Заразила своей... мертвостью?

– Вижу, вы очнулись, – голос мастера Варнелии донесся словно бы издалека.

А я очнулась?

Наверное, хотя сейчас моя уверенность в чем бы то ни было изрядно пошатнулась. Мертвые не оживают, но я видела, и... и боль отступала.

Возвращалась.

Волнами.

– Куда подевали браслеты? – мастер подошла. Я слышала, как скрипит пол под ее весом, и еще подумала, что скрипеть он не должен, поскольку феи – существа волшебные, воздушные, а откуда в воздушных созданиях вес?

Еще одна неправильность здешнего мира.

Браслеты же...

Не помню.

Утром были, а потом... может, утопленница забрала?

Вдруг ей для полного успокоения только их и не хватало? Я бы отдала, надо было лишь попросить, а она драться полезла. Стало вдруг так обидно, что я заплакала. Я не плакала целую вечность и сейчас не собиралась, не при людях... слезы – это слабость, а я не имею права быть слабой.

– Ничего, – мастер оказалась рядом, и холодная ладонь ее легла на лоб. – Это ваш страх уходит. Слетели, стало быть, не справились с потоком, но они вам больше и не нужны.

Почему?

Потому что я перестала быть магом? Эрика забрала не только браслеты, но и силу мою? Я не хочу так... я больше не буду... я ведь делала все, как говорили, чтобы стать целителем, хорошим целителем, устроиться в мире... А этот мир, получается, отталкивает меня, как прежний, если...

– Тише, – от холодной руки исходил жар, который разливался по телу, унимая боль. – Ваши каналы не только полностью раскрылись, но и стабилизировались. А значит, опасности больше нет. Но вам нужно уделить особое внимание контролю. Вы вновь себя исчерпали. Знаете, что бывает, когда маг полностью отдает весь свой резерв, но при этом не останавливается?

Нет.

Откуда мне?

Я и про существование магов узнала недавно... и не скажу, чтобы это знание сильно меня обрадовало.

– Он начинает вкладывать в контуры собственную жиз-

ненную силу, – в голосе мастера мне послышалось эхо грусти. – Ее много... но она в отличие от резерва не восстанавливается. А исчерпав себя, маг уходит за грань... Из вас получится хороший целитель, Маргарита, но... мертвое останется мертвым, даже если влить в него всю силу первоизданного источника.

– Я...

Воображение нарисовало страшную картину.

Исчерпав резерв, я напоила Эрику собственной силой... хорошо, не кровью, но... исчерпала, постарела и теперь лежу столетнею развалиной, которая...

– Я вас напугала? Это хорошо... целителю следует проявлять разумную осмотрительность. Мой наставник был замечательным человеком – умным, и добрым, и веселым, и действительно мастером. Дар свыше, такому не научишь... Но он слишком соперничал пациентам, всегда тратился до конца, а однажды случилось землетрясение... и пожар... Целителей всегда было немного, но в этот раз выставили всех, даже студентов-первогодков, надо было лишь поддерживать жизнь... Он спас многих, куда больше, чем мог себе позволить...

– Умер?

Ко мне вернулась способность говорить.

– Не сразу... это похоже на истощение... магия уходит, появляется слабость... она подступает волнами. Приступ за приступом, а между ними иллюзия, что все хорошо... нор-

мально... амулеты и артефакты задерживают развитие болезни, но... страдает не только магия и тело, но и разум... У всех проявляется по-разному. У кого-то случаются вспышки агрессии, кто-то, напротив, делается беспомощен и плаксив, забывчив... Это угасание порой длится годами, а то и десятилетиями, и тело живет дольше всего. Это страшно, Маргарита, видеть, как молодой и сильный человек становится... существом, иначе и не скажешь. Поэтому в следующий раз, прежде чем что-то делать, постарайтесь думать.

Жар ушел.

Холод тоже. И боль унес с собой. Мастер сняла спазм и сделала еще что-то, отчего тело мое обрело невероятную легкость, я будто утопала в пуху... И это было хорошо.

Замечательно.

Я сама не заметила, как уснула, и сон был спокоен.

Глава 15

Мастер Варнелия покачала головой и, проведя ладонью над телом, вздохнула. Если ее догадка верна... Она и надеялась, что верна, и опасалась этого.

Молчать.

Подобный дар что шило в мешке, его не удержишь, но девочке повезло хотя бы в том, что она не связана родовыми узами. Кажется, еще немного, и мастер поверит в высшую справедливость. Она улыбнулась, представив себе лицо старухи, когда та узнает...

Обязательно узнает.

И попробует вернуть беглянку, но...

Нет, не о том думать надобно. Она укрыла девочку и вышла из палаты. Тихо щелкнул замок, запирая дверь, и развернулась завеса сторожевого заклатья. Может статься, конечно, что предосторожность излишняя, но... мастеру так спокойней.

Теодор нашелся внизу.

Сидел, подперев рукою щеку, и пялился в остывший чай. И снова головная боль мучит, но ведь не признается, упрямец этакий... Мастер вздохнула и погладила его по плечу.

– Как ты?

– А она как?

– Жить будет, и, полагаю, со временем очень даже неплохо.

хо. Что выяснил? Сиди смиренно, лечить буду... сиди, я сказала, – она дернула за жесткую прядку, и Тедди, вздохнув, подчинился.

Его боль была красной и колючей и не желала отступать.

А вот и причина.

И эта причина ей совсем не нравится, и мастер латает истончившуюся стенку сосуда, понимая, что латка эта, как и предыдущие, продержится недолго.

– Тебе отдыхать надо...

– Когда? – Теодор потерся щекой о ее ладонь. – Выходи за меня замуж.

– Всего-то двадцать лет прошло, и ты созрел для предложения.

– Я бы и раньше, но... кем я был? И кем была ты... А теперь все иначе.

– И теперь все по-прежнему, но ты не увиливай. Ты должен отдохнуть. Я не хочу становиться потенциальной вдовой.

– Значит, согласна?

– Согласна подумать, – мастер Варнелия села рядом и забрала чашку с чаем. – Тебе вредно, сейчас настой укрепляющий заварю...

– Только не снотворный!

– Поспать тебе тоже не мешало бы.

– Позже... обещаю... приду и позволю запереть себя в какой-нибудь... – он махнул рукой. – Ну ты поняла, да? Тогда

и учи, и лечи, и вообще...

Серьезное обещание с учетом того, что Тедди терпеть не мог лечиться, полагая, что самой природой ему дано крепкое здоровье и вообще больных магов не бывает.

Какое распространенное заблуждение.

– Что с девочкой?

Укрепляющий сбор пах мятой, которая слегка сглаживала горечь трав. Мастер сыпанула в чайник пару сушеных ягод зимноцвета: пусть уж и аромат появится мягкий. Тедди никогда не любил горьковатого вкуса, которым обладало большинство настоев.

Капля силы.

И благодарный кивок.

– Это похоже на самоубийство, – произнес наконец Витгольц.

– Похоже?

– Похоже... очень похоже... я нашел ее следы, и только...

– Дождь...

– Был, – Тедди кивнул. – И изрядно помог, но ее следы остались – не все, однако если поискать... Правда, с другой стороны, тот, кто затеял эту игру, скажем так, знал, что следы будут искать, а потому наверняка потрудился, чтобы не оставить лишних. Я одного понять не могу, как он заставил ее в воду залезть... Тело чистое, ты же сама его видела, ты...

– Я посмотрю снова, – она провела по жестким волосам. – Сейчас... а ты отдохни, ладно?

– Вызовут...

– Утром... все утром, – мастер Варнелия погладила его по плечу. – В конце концов, сейчас ты сделал все, что мог. Поэтому отдохни...

Мне снилась Эрика.

Она танцевала на берегу озера, и танец этот был отвратителен. Эрика вихляла бедрами, оттопыривала зад и хохотала. В конце концов она задрала подол белой своей рубахи и трубным голосом велела:

– Иди ко мне...

Я сделала фигу.

Кошмар? Снились и позабористей.

Очнулась я, как ни странно, вполне отдохнувшей. И, увидев у постели мастера Витгольца, нисколечко не удивилась.

– Допрашивать станете? – я пригладила вздыбленные волосы.

– Стану, – сказал мастер как-то... обреченно, что ли? Будто не ждал он от этого вопроса ничего нового, как и ничего хорошего.

Я подтянула одеяло, а то... двусмысленно как-то... Нет, вряд ли я представляю интерес в этом плане, изрядным извращенцем быть нужно, чтобы воспылать страстью к мятой девице с опухшим после сна лицом. И запашок изо рта еще тот... и вообще...

– Как ты там оказалась?

– Не знаю, – честно сказала я и, поерзав, добавила: – Все

было... странно.

На его месте я бы в такую историю не поверила.

Вышла.

И потеряла память на пару часов, а потом вдруг очнулась возле трупа...

– Я ее не трогала! – на всякий случай добавила я, завершив рассказ. – Точнее, трогала... мне показалось, что она еще не совсем мертва, то есть мертва, но... не знаю, сейчас я понимаю, что не должна была ничего делать... на помощь позвать, и только, а там вдруг... как нашло оно.

Я сдавила голову ладонями.

– Она ожила... ненадолго, да... но вы ведь видели, да? Это вы пришли... вы меня спасли...

Мастер Витгольц потер подбородок и признался:

– Я.

– И... она вправду ожила?

– Относительно, – он пододвинул стул поближе. – Видите ли, Маргарита, сделать мертвое живым не под силу никому, некроманты и те лишь создают иллюзию жизненных процессов. Хотя, конечно, вы удивили...

– Я не снимала браслеты сама!

– Не снимали, – он был подозрительно доброжелателен. – У вас не получилось бы... Но подозреваю, что смерть девушки спровоцировала нарушение защитного контура, а вкупе с дождем... Вода – идеальный проводник энергии. Случился прорыв, в который вы и попали. Отсюда и ваши... ощущение

ния. Браслеты просто-напросто не справились с потоком и перегорели. Что до остального, то...

Мастер Витголец побарабанил пальцами по собственному колену.

– Что она вам сказала?

– Я...

Промолчать?

Солгать, что не помню? Нет, что-то – должно быть, здравый смысл – подсказывает мне, что лгать мастеру Витгольцу – не самая лучшая идея. И он, кивнув, будто и вправду прочел мои мысли, сказал:

– Не стоит, Маргарита... вам оно надо? Вы в этом деле, похоже, случайный человек...

– Айзек...

– В каком смысле?

– Она сказала: «Айзек». А в каком смысле... понятия не имею. Может, думала о нем...

– Любопытно... – мастер прикрыл глаза. – Снова, стало быть... Айзек, Айзек...

– Она не сама, – сочла нужным сказать я и, подтянув одеяло – все-таки не привыкла я подобные беседы в неглиже вести, – добавила: – Да и он... вряд ли... они мирно разошлись и... даже не знаю... у нее были планы на будущее, и вполне конкретные. Айзек собирался помочь...

– Даже так?

Пересказывать чужие интимные беседы, конечно, нехоро-

шо, но, во-первых, никто не просил меня хранить тайну, а во-вторых, сдается мне, Айзек в эту историю влип по уши, а потому не самое лучшее время для мелких секретов. Тем более вряд ли мастера волнует моральный облик отдельно взятого мажора.

– Знаете... – мастер поднялся. – У вас удивительный талант оказываться в нужном – или в ненужном? Тут уж как посмотреть – месте. Я должен буду запротоколировать нашу с вами беседу. Полагаю, вы не откажетесь подписать протокол кровью?

Я кивнула.

Вот... вряд ли это обычная практика, хотя... подозреваю, перспективы открывает немалые.

Из госпиталя меня отпустили через сутки, и подозреваю, держали исключительно из-за дел, напрямую со здоровьем моим не связанных.

Еще одна беседа, на которой, помимо мастера, присутствовал безымянный господин вида столь откровенно невыразительного, что я сразу заподозрила его в принадлежности к некой государственной структуре, ссориться с которой было по меньшей мере неразумно.

Я вновь говорила.

Мастер слушал.

Кристалл в его руках наливался темно-лиловым цветом. Господин молчал и разглядывал меня, не скрывая вяло-

го интереса. Завершилось все ритуальным прокалыванием пальца. Кровь мою кристалл поглотил, моментально сменив окрас на бледно-золотой.

И господин произнес:

– Очень хорошо... надеюсь, вы понимаете, сколь важно обеспечить защиту свидетеля...

Ага... следовательно, я прохожу свидетелем.

– А вам... – господин уставился на меня столь пристально, что стало даже как-то слегка неловко. Почему-то возникло ощущение, что он не отказался бы от куда более подробного осмотра, скажем, в рот бы заглянул, зубы сосчитал. – Настоятельно не рекомендую покидать пределы университета.

– Мне в город надо, – буркнула я.

В любом ином случае я бы промолчала, потому что, во-первых, не в моем положении наживать себе даже не врагов – недоброжелателей, а во-вторых, меньше говоришь – целее будешь, но это вот внимание раздражало.

Выбивало из колеи.

Не понимаю... смотрит? Пусть себе смотрит, и раньше вон смотрели... И пощупать дамся, хотя тут смотря где щупать станет...

– И что же вам понадобилось в городе?

А тон такой ласковый-ласковый...

– Куртка... у вас тут сезон дождей начинается, а у меня одежды подходящей нет.

– Куртка... – задумчиво произнес господин. – Если про-

блема в куртке, то не переживайте, одежду вам доставят.

И развернулся к выходу.

– Эй, – а что, сам виноват, что не представился. – У меня, между прочим, средства ограничены!

А то знаю я... доставят куртку по цене десяти шуб, а потом что?

– О стоимости не переживайте. Считайте, мы заботимся о свидетеле...

Ага, настолько ценном, что такой клад только закопать. И вот как-то не понравилась мне эта мысль. Совершенно не понравилась...

– Надеюсь, – господин открыл дверь, – вы понимаете, что нашу беседу, как и то, чему вы стали свидетелем, обсуждать не стоит...

А то, я вообще понятливой уродилась. Да и обсуждать здесь нечего...

Не угадала.

Марек отыскал меня в столовой.

– Привет, – он плюхнулся рядом и подвинул мой поднос. – Давно не виделись. Соскучилась?

– А то, – мрачно сказала я. – Давно...

– Не злись, пришлось срочно уехать. Конечно, стоило записку оставить, но... спешил.

– Да ладно...

В конце концов, мы друг другу никто, так, чуть больше, чем случайные знакомые, и несоизмеримо меньше, чем дру-

зья. Друзей у меня нет, не было и, полагаю, не будет, хотя понимание сего факта не отзывалось в душе моей скорбью.

– Сестра заболела, – вздохнул Марек. – Точнее, она давно болеет. Просто иногда ей становится хуже. И тогда...

Он махнул рукой.

А я кивнула.

Что тут еще скажешь? Знаю я таких... затяжная болезнь с ее обострениями и ремиссиями, которые порой затягиваются надолго, и тогда даже начинает казаться, что болезни как таковой вовсе нет. Иллюзию здоровья, как правило, разрушает очередной приступ.

– Сейчас все почти нормально. Спасибо, что спросила, – Марек обиженно засопел. А я пожала плечами: ждать от меня сочувствия не стоит. Не умею я. – А ты что делала?

– Училась.

– Ага... и как оно?

– Нормально.

На некоторое время воцарилось молчание. Марек ковырялся вилкой в каше, я раздумывала над тем, куда отправиться: в библиотеку или в свою комнату, где меня ждал недописанный конспект по основам рунологии. А еще на послезавтра надо подготовить две главы из учебника по академическому построению малых словоформ.

– Ага... – Марек поерзал и поинтересовался: – Говорят, это ты Эрику нашла?

Интересно, кто говорит и вообще откуда это известно?

Хотя сплетни – дело такое, никто не знает, как именно они рождаются, главное, что, появившись однажды, они выходят в люди и уже там обрастают самыми удивительными подробностями.

– Я.

– И... как ты?

Марек заботливо коснулся руки.

– Нормально. Кошмары не мучают. Совесть тоже, – я поднялась. Продолжать бессмысленный этот разговор не было ни малейшего желания. – Мне пора...

– погоди, – Марек догнал меня. – Не злись, пожалуйста, просто... я очень о тебе волнуюсь.

– Не стоит...

– Мне сказали, что ты ездила с Айзеком в город...

– Случайная встреча.

И почему я вообще должна оправдываться и что-то объяснять? Но Марек уже подхватил меня под руку и потянул за собой.

– Он опасен, Маргарита, очень опасен. Я кое-что узнал... – он оглянулся, будто подозревая, что нас подслушивают. Нет, в свете недавней беседы с безликим господином вполне могло статься, что и подслушивают, и отслеживают, и вообще... но вряд ли Марек, крутя головой, обнаружит эту самую подслушку. Сомневаюсь, что местное ведомство опустится до такой банальщины, как шпион в кустах.

– Идем, – но Марек то ли в здравый смысл не верил, то ли

пребывал в похвальном заблуждении, что чем уединенней место, тем меньше шансов, что кто-то услышит лишнее. Он тянул меня в глубь парка и выглядел настолько взбудораженным, что появилось желание немедля позвать на помощь.

Мало ли...

– Сядь, – Марек толкнул меня к замшелому камню, выглядывавшему из земли. Сам же, заложив руки за спину, ходил кругами. – Моя сестра... так уж получилось, что она... деструктор. Среди нас деструкторы рождаются крайне редко, а уж с сильным даром, как у нее... В Ирхат дорога ей была закрыта, туда не принимают девушек, но знакомый отца предложил ей обучение по индивидуальному плану.

Ага, значит, так тоже можно?

Мне почему-то о таком варианте никто не сказал. Не потому ли, что знакомые моего отца вряд ли догадывались о существовании у него еще одной дочери?

– Она появлялась в академии на тренировки. Их полигон адаптирован для деструкторов и сдавать зачеты. Там и встретила Айзека...

– Как понимаю, это было до того, как она заболела?

Марек тряхнул головой, вцепился в волосы руками.

– Она влюбилась в него. Она только и говорила о том, какой он замечательный, и вообще... Ее пытались образумить, но она ведь взрослая, самостоятельная и лучше знает, что ей от жизни надо. А мы так... мешаемся лишь.

Я присела у камня.

Трава была мягкой, гладкой и ластилась к ладоням. Шелестела листва, будто деревья переговаривались. Тоже сплетничали? Обо мне? Мареке? Или Айзеке с его подружками, их, полагаю, деревья перевидали изрядно. Или им, великанам, вовсе не было дела до каких-то там людей. У них небось собственные беды... Скажем, древоточцы, или корневая гниль, или вот жуки-листогрызы...

– У них случился роман, то есть она полагала, что это любовь, и навсегда, что Айзек разорвет помолвку и... А он воспользовался моментом.

Что ж, где-то я его понимала.

Если девица не против, то почему бы и нет? А уж за чужие фантазии человек не в ответе.

– И когда Мариша ему надоела, он... он заявил, что ничего не обещал.

– А он что-то обещал?

– Неважно! – Марек сжал кулаки. Лицо его побелело, а на щеках вспыхнули алые пятна. Похоже, не стоило задавать опасных вопросов. – Он не имел права. Он должен был... он... воспользовался ею, а потом выкинул...

– И она заболела?

– Нет... – с большой неохотой признал Марек. А я подумала, что разговаривать о короедах куда интересней... или о листогрызах. О бабочках еще... В детстве я мечтала коллекцию собрать, пока не поняла, что для этого бабочек придется убивать. – Все немного сложнее... Он утверждал, что это

был несчастный случай.

Тяжелый лист упал на колени.

Подарок? Темно-красная глянцевая поверхность, будто лист из пластика отлит, и золото жилок.

– На полигоне они оказались вдвоем... ночью... что они там делали?

– А спросить?

– Мариша утратила память... и частично – личность, она знает, что любит Айзека, что... Если бы он проявил хоть немного сочувствия... Мои родители умоляли его хоть иногда навещать Маришу, но нет, он заявил, что она сама во всем виновата, что он видеть ее не желает.

Марек раздраженно пнул дерево.

– Их нашли на этом полигоне... Поступил сигнал о выбросе энергии – неконтролируемом. Вызвали дежурных, и пока пришли... Мариша истекала кровью, а Айзек просто сидел и смотрел. Он ничего не сделал! Ничего, чтобы ей... Она выгорела, понимаешь? Лишилась сил, а он...

Дерево укоризненно покачало ветвями.

Ему не нравилось, когда его пинали. И вообще люди представлялись дереву излишне эмоциональными созданиями. В конце концов, со всеми случаются неприятности.

И молния в ствол попасть может, и медведки корни подгрызут, и трещина в коре пропустит гниль, которая медленно убивает, но разве ж это повод вести себя столь откровенно неподобающим образом?

Дерево шелестело.

И шелест его почти заглушил тихий голос Марека:

– Он отказался давать объяснения, и мы хотели подать в суд. Мои родители не так богаты, чтобы мы могли тратить на целителей, а ей нужны хорошие целители, но адвокат, которого они наняли, отсоветовал. Он устроил встречу с отцом Айзека и...

Жизнь – дерьмо.

Я поняла это рано и успела смириться, даже как-то приспособиться, главное, что больше не испытывала иллюзий по поводу того, что мир, меня окружающий, прекрасен и только и ждет, как бы облагодетельствовать. А вот Мареку сложнее. Милый домашний мальчик, вдруг столкнувшийся с чем-то, что находится за пределами его понимания.

– Они отказались от суда. Марише оплатили лечение в Королевской клинике, но...

– Не помогло?

– То, что от нее осталось, это не Мариша. Она сидит и смотрит в окно, только сидит и смотрит... целый день... смотрит, смотрит... Когда дни хорошие, она говорит. Об Айзеке, только об Айзеке. Спрашивает, где он... Мама лжет, что в магазин вышел и скоро вернется. Иногда это помогает, а иногда она помнит, что Айзек ее бросил, и приходит в ярость. Если дни плохие, случаются судороги, и... и когда меня вызвали, она напала на мать. Воткнула заколку ей в горло...

Марек выдохнул и закрыл лицо руками.

– Говорят, что дальше будет хуже, что ее надо отдать в... отделение для душевнонестабильных, что... она все равно никого не узнает. Деструкция личности... дар ее разрушает. Сил не осталось, он все равно... И Айзек... он хотя бы извиниться мог! Или спросить о ней! Но нет, ему плевать! Из Ирхата вышвырнули, так его устроили сюда. Конечно, с такими родителями... сделали все, чтобы скандала избежать. Только ему тот выброс тоже не прошел даром... Ты не думала, что... уже трое умерли, и вряд ли это случайность.

Еще какая неслучайность.

Но Мареку об этом знать не положено.

– Я много думал... Понимаешь, Айзек ведь тоже деструктор, и дар у него яркий, как и положено – кровь сказала. И дефект выявить сложно, но убийство в природе деструкторов. Разрушение – часть их природы. Правила, запреты сдерживают ее, но... если вдруг он тоже безумен? Мариша не способна справиться с приступами ярости, а вот Айзек...

Все это звучало на редкость логично, вот только логика эта была мне не по вкусу. И не потому, что Айзек стал вдруг симпатичен, скорее, я в своем взгляде на мир с его нюансами понимала: племянник короля убийцей быть не может.

Никак.

Нет, Марго, не стоит этим голову забивать.

Глава 16

Одежду доставили в пятницу.

Я возвращалась с занятий в компании мастера Витгольца, который то ли охранял меня от неведомого супостата, то ли присматривал, чтобы в очередное дерьмо не вляпалась, но довел до двери. А когда я, оную дверь открыв, издала сдавленный писк, решительным рывком отбросил меня к стене.

Заглянул.

Хмыкнул и поинтересовался:

– Чего это вы, Маргарита?

Действительно, чего это я... Я, между прочим, комнату в порядке оставляла, без всяких там пакетов, которые громоздились на полу, стояли на кровати и на стол покусились, впрочем, несерьезно, не посмея подвинуть массивные тома учебников.

– Не ожидала, знаете ли, – я потеряла шею.

И от стены отлипла.

А что, силенок у мастера изрядно – еще немного, и в госпиталь пришлось бы возвращаться, лечить ушибы и потенциальные трещины в ребрах. Но впредь наука будет: язык надо за зубами держать.

– Сами же просили...

– Я куртку просила, – я все же в комнату заглянула и повела носом. Пахло... ванилью и шоколадом и еще, кажется,

карамелью... в целом кондитерской. – А это что?

Я вытащила из ближайшего пакета нечто розовое и воздушное, усыпанное мелкими стразами, которые в тусклом свете сверкали весьма нагло.

Мастер хмыкнул и отвернулся.

Похоже, рекомое нечто являлось весьма интимной частью гардероба... ага, в том же пакете трусики обнаружились, если так можно назвать пару ниток, тоже стразами украшенных.

Я решительно сунула шелковое это великолепие обратно в пакет, а пакет протянула мастеру:

– Вернете...

– Куда?

– А мне откуда знать? Тому товарищу, который покупал.

Во втором обнаружились туфли на каблуке-карандаше... ага, и брючки имеются, клетчатые и шерстяные, правда, длиной чуть ниже колена, но все хлеб... Брючки оставим. Свитерок и вовсе неплох, мягонький, даром что ядовито-розового цвета и с бусинками в придачу. Бусинки срежу, а цвет... случилось мне и более ядреные расцветки нашивать.

Главное, тепло.

Еще один пакет с бельем... тоже мастеру.

– Маргарита! – одернул он. – Не забывайтесь.

– Я не забываюсь, я куртку ищу...

Пирожные.

– Хотите? – я протянула коробку мастеру и на всякий случай уточнила: – А то вдруг отравленные...

– Меня вам, значит, не жаль?

Я пожала плечами: что-то мнится мне, что опытного мага отравить не так и просто. Хотя... вспоминая папеньку... нет, лучше не вспоминать. Мелисса и та любезно сгнула, поэтому будем есть эклеры с кофейным кремом и радоваться жизни.

Куртка тоже нашлась.

Коротенькая такая, едва прикрывающая грудь, зато с бахромой и крупными костяными пуговицами. Примерив это великолепие, я вздохнула: гулять в нем можно, например, от общежития до машины, а от машины до ресторана. И то если над тобой зонт держат...

– Может, я все-таки сама съезжу, а то как-то... недопоняли мы друг друга.

Курточка на груди не сходилась. И вроде бы размер у меня не сказать чтобы выдающийся, но... то ли рассчитана на плоскогрудых, то ли вовсе не положено этакую красоту дизайнерскую застегивать.

– Вероятнее всего, – мастер задумчиво жевал пирожное, – произошла банальнейшая накладка. Вы же не думали, что санор Альгер сам пойдет по магазинам... Он отдал поручение секретарю, а та... одежда модная и дорогая...

– И нелепая... – пробурчала я.

Ладно... старая куртка еще есть, вот и пригодилась. Глядишь, месяцок-другой выдержит, а там как-нибудь да разрешится.

– Что вам надо?

– Что-нибудь удобное, крепкое и подходящее для здешнего климата, – в здравый смысл мастера я верила куда больше, чем в доброе отношение санора... как там его...

И что такое санор?

Похоже, надо еще и в учебник социологии заглянуть.

– Размер...

– У кастеляна. Вам же форму будут выдавать, – мастер вытер пальцы о рукав. – А одежду оставьте... глядишь, и пригодится.

Ага... напялю розовый балахон и пойду домогаться Айзека...

Тьфу...

А утром снова дождь зарядил.

И шел весь день.

И сырость, пробравшаяся в комнату, оживила плесень, желтые и зеленые пятна ее расцвели на стенах, а у меня появилось острое желание удавиться.

Или, как вариант, удавить кого-нибудь...

Например мастера Ульграф, которую прислали, чтобы оценить мою готовность к зачислению на первый курс. Она появилась в классе без предупреждения, вплыла, что твоя каравелла, и была столь же крутобока, сколь и заносчива.

Лиловый бархат платья.

Тройная нить жемчуга.

Перстни на полных пальчиках и белые волосы, уложенные высокой башней. Напудренное личико. Кармин губ и перламутровые тени. Резкий запах духов, в которых доминировала гардения. Мастера Витгольца дама удостоила кивком, мне же достался взгляд, преисполненный... надо же, и презрения, и отвращения, и недоумения. Она явно не понимала, как оказалась здесь и для чего.

– Продолжайте... – небрежный жест.

– Мастер Ульграф, – мой наставник поклонился. – Что привело вас...

– Слухи, любезнейший, слухи... Поговаривают, что у вас появилась крайне интересная девочка... Вот, захотелось взглянуть... В конце концов, через две недели мы будем решать, стоит ли возиться с нею...

Медовый голос.

И тон нейтральный, но не покидает ощущение, что, будь воля этой дамы, меня мигом выставили бы за ворота. Я поежилась.

– Так что продолжайте... не обращайтесь на меня внимания... я просто смотрю...

Я вздохнула.

И закрыла глаза.

Именно что... смотрит, и не она одна, полагаю, смотреть будет. И мне ведь не впервой сталкиваться с людьми, которым я не нравлюсь, просто так, без причины не нравлюсь.

Переживу.

Расслабиться и забыть... только забыть о даме не получилось. Она то вздыхала, то двигала стул, и как-то так, что ножки его издавали резкий, неприятный звук, то... Я стиснула зубы.

Терпение, и еще раз терпение.

Она нарочно пытается вывести меня из себя, только непонятно зачем... или понятно? Если дама действительно имеет отношение к университету и экзаменам...

Я в очередной раз сбилась.

Я и так магию свою почти не ощущаю, а тут еще эта... И недоформированное заклятье погисло в ладони, укол пальцы теплом.

– Вижу, – скрипучий голос вызвал острое желание швырнуть в тетеньку чем-нибудь таким, – что не зря пришла. Сколько вы занимаетесь? Пару месяцев, а прогресса нет... и, полагаю, не будет...

– Мастер...

– Молчите, любезнейший, ваше отношение мне известно и заставляет задуматься, права ли я была, позволив вам остаться в этих стенах...

Дама патетично обвела рукой упомянутые стены.

Чтоб тебе...

– Я буду ставить вопрос перед попечительским советом. Мы не можем закрыть глаза на нарушения столь явные. И если вы думаете, что мастер Варнелия вам поможет...

– Не имею обыкновения прятаться за женскими юбка-

ми, – сквозь зубы произнес Витгольц, и тонкое перышко в его пальцах с треском разломилось пополам.

– ...вынуждена вас разочаровать, мастер в скором времени покинет это место... ей сделали одно крайне заманчивое предложение...

Чтоб тебе облысеть в три дня, кошка драная.

Дама подобрала юбки.

– Вам же настоятельно рекомендую хорошенько подумать и принять верное решение, – взгляд ее блеклых глаз остановился на мне. – Не стоит рисковать карьерой ради... непонятно кого.

Удалялась она медленно, величественно, что, впрочем, не избавило от детского желания плюнуть в эту бархатом затянутую спину.

От плевка я удержалась.

А мастер, когда за дамой закрылась дверь, выругался. Затеяливо так, с фантазией. И потер ладонью лоб, пробормотав:

– Ее нам только не хватало...

– Кто это вообще? – как ни странно, страха не было, зато появились здоровая злость и желание доказать всему миру и, в частности, конкретно этой вот дамочке, что она не права.

– Это мастер Фиона Ульграф, фрейлина ее величества, председатель попечительского совета, и не только нашего, мать жениха Лили и добрая подруга вашей бабушки.

Ага...

Тогда понятно, откуда такая горячая любовь.

Ладно, фрейлине и ее величеству я нагадить пока не успе-
ла, разве что оное величество недолюбливает Айзека и втай-
не мечтает от него избавиться. Надо будет посмотреть, что
тут с вопросами наследства, а то вдруг этот мажор следую-
щее величество?

Но подруга бабушки, полагаю, заклиная, и сочувствующая,
и если не знающая точно, что та опоила сыночка, то
всяко догадывающаяся. Интересно, какие у дамочки на ме-
ня планы? Ведь имеются, такие особы даже поход в туалет
планируют.

С мастером тоже понятно.

Варнелия небось замуж не вышла по причине большой
любви, только полюбила личность совершенно неподходя-
щую, что не добавило симпатий... Да уж, весело...

– И что мы будем делать? – спросила я, надеясь, что голос
мой звучит в должной мере беззаботно.

– Учиться, а там... – мастер усмехнулся и сказал: – Ду-
маю, она ошибается... меньше всего Лили хочет работать во
дворце. Просто мастер Ульграф очень тяжело воспринимает
отказы. Да и не стоит забывать, что вы весьма ценный сви-
детель.

Ага...

Что ж... хоть какая-то польза от этого.

– Идите, Маргарита и не берите в голову.

Лили он нашел в саду, что было вполне ожидаемо. Она гладила трехлопастные листочки клевера, и красные головки того покачивались. Гудели шмели. Одуряюще пах безвременник, который пора было собирать. Хороший повод убраться из госпиталя...

– Нашла и тебя? – Витгольц присел рядом с пышным кустиком и, подняв ножницы, осторожно срезал веточку, усыпанную белыми цветами.

Варнелия вздохнула и пожаловалась:

– Иногда с людьми тяжело... представляешь, она сказала, что собирается дать объявление о скорой свадьбе. Мол, королевскому целителю негоже быть незамужней, – Лили фыркнула и добавила: – И ведь на самом деле она верит, что облагодетельствовала меня. Она столько сил потратила, добиваясь этого места... А я, такая неблагодарная... Боги, я не знаю, как еще ей объяснить!

– Никак.

Запах безвременника стал навязчивым.

И тяжелым.

Щелкали ножницы, и корзинка наполнялась.

– Осторожно, – Лили нахмурилась. – Чуть выше от стебля. Оставляй как минимум почку, а лучше две, чтобы...

– Я помню...

– Ты слишком неуклюжий. Отдай!

Витгольц протянул ножницы и сказал:

– Полагаю, скоро она несколько... переменит свое мне-

ние.

– В каком смысле? – Варнелия ловко обстригала куст, складывая хрупкие веточки в корзинку.

– Маргарита что-то ей пожелала... не знаю, что именно, но я ощутил слабый направленный всплеск...

– Тедди!

– Что?

– А если...

– Если бы достопочтимая мастер Ульграф рухнула бы на пол, я бы тебя позвал. Но она жива, бодра и по-прежнему полна яда, значит, ничего смертельного. А остальное... ей не мешает немного встряхнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.